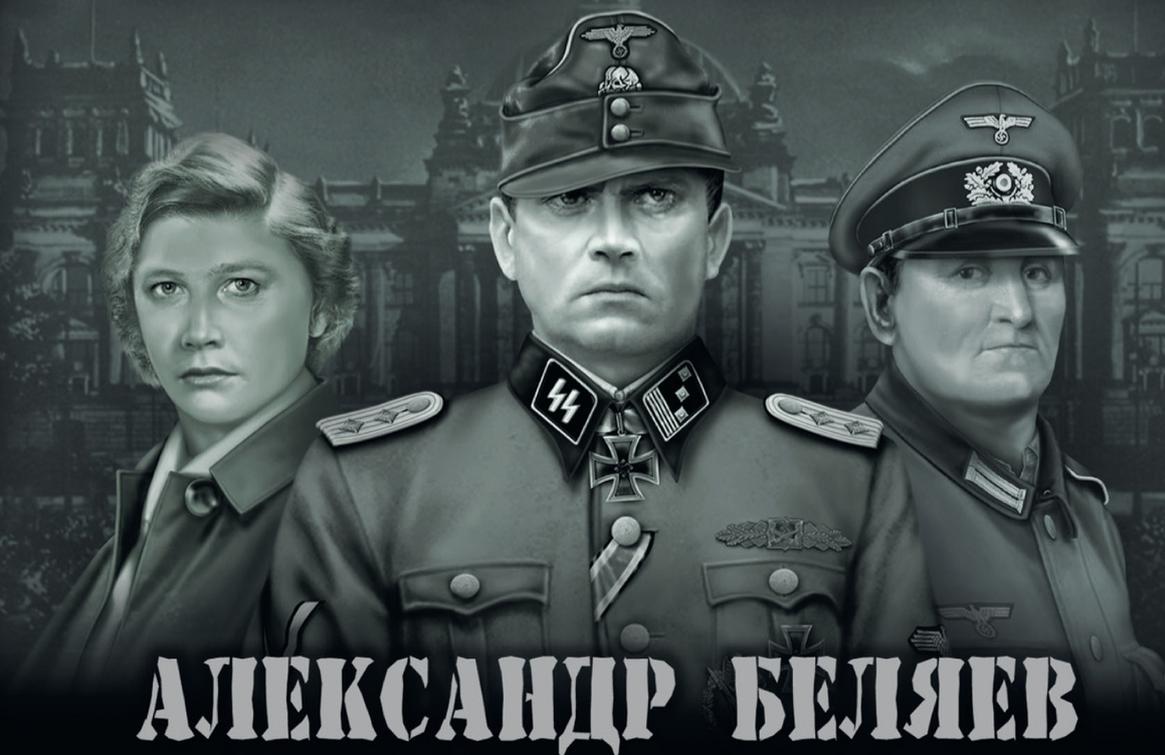

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

ПОКУШЕНИЕ

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

В сводках не сообщалось...

Александр Беляев

Покушение

«ВЕЧЕ»

Беляев А. П.

Покушение / А. П. Беляев — «ВЕЧЕ», — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7104-9

Роман известного писателя, лауреата премии имени Фадеева Александра Павловича Беляева (1927–1996), написанный на документальной основе, рассказывает о том, как в годы Великой Отечественной войны советские контрразведчики раскрыли и предотвратили террористическую акцию гитлеровских спецслужб против Верховного главнокомандования Красной армии. В этой поистине героической борьбе с вражеской агентурой они постоянно опирались на помощь наших людей: воинов-красноармейцев, сотрудников милиции, тружеников тыла, подпольщиков, партизан.

ISBN 978-5-4484-7104-9

© Беляев А. П.

© ВЕЧЕ

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	42
Глава 11	47
Глава 12	51
Глава 13	54
Глава 14	57
Глава 15	63
Глава 16	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Павлович Беляев

Покушение

© Беляев А.П., наследники, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Пролог

В один из последних сентябрьских дней предвоенного сорокового года по старинной московской улице Арбат, протянувшейся от Бульварного до Садового кольца, по направлению к Смоленской площади двигалась груженная домашним скарбом полупорка. В кабине ее вместе с водителем сидела заметно располневшая, лет сорока с небольшим от роду, блондинка. Из-под брезентового тента кузова выглядывал несколько моложе ее, худощавый, с небольшими усиками мужчина. Полупорка проехала мимо Театра имени Вахтангова, мимо зоомагазина и, притормозив, совсем тихо и осторожно свернула с улицы в арку дома и остановилась возле флигеля. Никого из жильцов в этот час во дворе не было. Но как только хлопнули дверцы кабины полупорки, как по команде, в десятке окон, выходящих во двор, появились любопытные, а из небольшой, обитой железом двери полуподвального помещения вышел дворник в белом фартуке и такого же цвета картузе.

– Стало быть, пожаловали на поселение, – снимая картуз, почтительно поприветствовал он приезжих.

– Да уж как видишь, – ответил мужчина с усиками. – Помоги-ка, любезнейший, вещички перетаскать.

– Это мы с большим пожалуйста. Был ба интерес, – охотно согласился дворник, вытаскивая из-за пояса и надевая рукавицы.

– А вы, тетушка, зашли бы в квартиру да прикинули, пока мы тут возимся, куда что расставлять, – обращаясь к пышной блондинке, посоветовал мужчина.

– Прикину, Андрюшенька. Обязательно, – согласилась блондинка. – Только давай сначала визиточку на место приедем.

– Успеется, тетушка, – заверил мужчина.

Но блондинка была непреклонна.

– Нет уж, племянничек. Такая примета: на счастье – сразу. А потом может и не повезти, – со знанием дела объяснила она.

– Какое уж тут счастье, – безнадежно махнул рукой мужчина и, открыв борт кузова, снял с машины большую корзину. Открыл ее, вытащил холщовую хозяйственную сумку, извлек оттуда молоток, гвозди, начищенную до блеска медную пластину и прибил ее возле входной двери флигеля. На пластинке красивым шрифтом было выгравировано: «Зубной врач-протезист Баранова М.К. Прием на дому. Обращаться с 10 до 22 ежедневно».

Блондинка осталась довольна видом этой изящной рекламы, открыла ключом входную дверь и зашла во флигель. А мужчина с усиками, водитель и дворник принялись сгружать с машины привезенные вещи и таскать их следом за хозяйкой.

Вещей оказалось немного. И были они недорогими. Два платяных шкафа, круглый обеденный стол, шесть стульев с плетеными сиденьями, деревянная кровать, комод, что-то из кухонной утвари и оборудование врачебного кабинета. Из кузова машины вытащили последнюю вещь, и последний наблюдатель из новых соседей Барановой отошел от окна.

Приехавший мужчина между тем расплатился с водителем и дворником и, прихватив последние пожитки, зашел во флигель. Здесь вдвоем с Барановой они долго расставляли и переставляли из угла в угол мебель, развязывали узлы, рассовывали по ящикам и полкам посуду, развешивали по шкафам одежду. Потом прибили над окнами карнизы и повесили на них плотные шторы, которые тут же задернули. После этого мужчина принялся оборудовать кухню. Он повесил одну полку, другую. А когда прибывал третью, то неожиданно почувствовал за стеной пустоту. Тогда он обследовал стену повнимательней. И скоро уже знал, что пустота – это черный ход в квартиру, заделанный фанерой. Ход этот вел на узенькую лестницу, которая, в свою очередь, выводила к наружной двери, выходящей в небольшой дровяной сарай на

заднем дворе. Теперь эта дверь и сарайчик были просто забиты, а лестница и черный ход на кухню завалены поломанной старой мебелью и прочей рухлядью. Им давным-давно уже никто не пользовался. Да, вероятно, и вообще уже все забыли о его существовании. Но он тем не менее наличествовал.

– А квартира-то с сюрпризом, – подзывая Баранову, сказал мужчина.

Та, оглядев ход, недовольно покачала головой.

– Господи, еще залезет кто-нибудь...

– Не залезут. Забыю как следует, – успокоил хозяйку мужчина и снова застучал молотком.

Скоро стенка на кухне приняла прежний вид.

– Ну а то, что решили, не забыл? – пытливо взглянула на своего помощника хозяйка.

– Все будет в самом лучшем виде, – ответил мужчина с усиками и прошел в комнату.

А хозяйка, справедливо решив, что уже настало время перекусить, засутилась на кухне. Она разожгла примус, поставила на него большую сковороду, положила на нее несколько ломтиков ветчины и залила их яйцами. Она ни о чем больше не спрашивала и ни о чем не напоминала своему помощнику и занималась своим делом: нарезала сыр, помыла и поставила на столик помидоры, открыла банку шпрот, достала бутылку мадеры. Он сам зашел на кухню, когда у Барановой уже все было готово.

– Прошу посмотреть, – предложил он.

Баранова прошла в комнату, но сколько ни пыталась найти то, что ее интересовало, так и не нашла. Видя, что его работа удалась, мужчина сказал:

– Обещал же, что все будет, как надо...

– Так где? – нетерпеливо спросила Баранова.

– Да под комодом, под полом, – топнул по широкой половице мужчина.

– Очень хорошо, – осталась довольна Баранова.

Они снова вернулись на кухню и сели за столик.

Мужчина разлил вино по рюмкам.

– С новосельем! – поднял он свою рюмку.

– Спасибо, – поблагодарила Баранова.

Они чокнулись и выпили. Закусывали и вели неторопливую беседу.

– Сколько же ты еще пробудешь в Москве? – спросила Баранова.

– День-два. От силы три...

– И куда же отправишься?

– Сначала в Харьков. Потом в Горький. Затем в Челябинск. Нам, снабженцам, на одном месте засиживаться не приходится. Тут добудешь одно. Там другое. В ином месте договоришься о третьем.

– Будешь писать?

– Как обычно, раз в две недели.

– А возможно, что кто-нибудь из знакомых твоих заглянет?

Мужчина на минутку задумался.

– Почти исключается. Но если уж случится, непременно предупрежу. Да я через полгодика сам постараюсь объявиться, – пообещал он.

– Вот так-то лучше, – обрадовалась Баранова.

Через два дня гость, как и намеревался, уехал из Москвы. Спустя две недели, как и было условлено, Баранова получила от него коротенькое письмо. Гость сообщал, что он жив-здоров, что дела у него идут хорошо, с помощью коллег, таких же бедолаг-снабженцев, как и он сам, ему удалось «выбить» у прижимистых хозяйственников почти все, что было надо, что скоро он уедет из Харькова и очередное письмо напишет уже из другого места. И еще он спрашивал, приготовила ли она то, что ему так нужно. И если приготовила, то пусть черкнет по его новому адресу пару строк. Тогда он непременно снова, хоть на денек, заглянет в Москву. Баранову

это обрадовало, так как просьбу племянника она уже давно выполнила. И теперь ей надо было только дождаться от него следующего письма, чтобы узнать его адрес. Она надеялась получить это письмо через неделю. Но оно не пришло. В ожидании пробежала еще неделя. Потом еще одна. А письма с новым адресом племянника все не было.

Тогда Баранова поехала в Томилино, где проживала до того, как переселилась в Москву. Думала, что, возможно, ее новый московский адрес племянник потерял. И весточка от него ждет ее по старому, томилинскому адресу. В Томилино у нее было полдома. Она и сейчас оставила эту половину за собой, теперь уже как дачу. У этой половины, состоявшей из двух небольших комнаток и веранды, был свой вход, густо обсаженный кустами жасмина и сирени. Кусты эти вдоль дорожки расположились до самого забора, в котором была калитка. А за забором начинался лес, тянувшийся до самой станции. На второй половине дома жили милые люди, пенсионеры – муж и жена. С Барановой они очень дружили и искренне расстроились, когда она уехала от них в Москву. К сожалению, письма от племянника не было и в Томилино. Баранова попросила соседней немедленно дать ей знать, если какая-нибудь корреспонденция поступит на ее старый адрес, и, заручившись их обещаниями непременно это сделать, вернулась в Москву и вынуждена была ждать снова. Но письмо не пришло ни через месяц, ни через три. А в начале июня следующего года Баранова и сама неожиданно перестала появляться во дворе. Сначала на это никто не обратил никакого внимания. Мало ли куда могла отлучиться в летнее время еще совсем даже не старая, привлекательная во всех отношениях женщина? Могла уехать куда-нибудь на дачу. Могла отправиться кого-нибудь навестить. А могла и просто махнуть на юг, как это делали многие. Но по мере того как многочисленные больные, нуждающиеся в зубных протезах, продолжали безрезультатно стучаться в двери флигеля, а они оставались закрытыми и на соседней посыпались вопросы, надолго ли отлучилась докторша, интерес к внезапному исчезновению Барановой понемногу стал овладевать всеми. Теперь начали выражать беспокойство: уж не случилось ли с ней какое несчастье? Кто-то даже предложил сообщить о пропаже врача в милицию. Но неожиданно в дело внес ясность почему-то молчавший до сей поры дворник Захарыч.

– К брату она уехала, в эту, как ее, в Ригу. Отдохну, сказала, там. Нешто не может человек брата навестить? И ходят тут, и ходят... – объяснил он.

– А вернется-то когда? – спросили его. – Протез ведь обещала поставить.

– Когда? Когда? Когда возвернется, тогда и поставит. В конце месяца должна...

Но предсказаниям Захарыча не суждено было сбыться. Началась война, и о Барановой забыли. И вспомнили лишь тогда, когда первого июля немецкие войска оккупировали Ригу. Пожалели, что хлебнет она там горяшка...

Глава 1

Второго июля 1943 года Гитлер принял окончательное решение начать наступление под Курском. Четвертого июля он подписал обращение к солдатам, которое в ночь перед наступлением было оглашено во всех подразделениях ударных группировок немецких войск, сосредоточенных в районе Курской дуги. «Сегодня вы начинаете великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом, – говорилось в нем. – С вашей победой сильнее, чем прежде, во всем мире укрепится убеждение в тщетности любого сопротивления немецким вооруженным силам. Могучий удар, который поразит сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть все».

На рассвете пятого июля мощные группировки вермахта перешли в наступление на северном и южном фасах Курской дуги. Началось одно из величайших сражений Второй мировой войны. Но оно развивалось совсем не так, как того хотели Гитлер и его генералы. Уже двенадцатого июля Красная армия, остановив врага, сама перешла в грандиозное по своим масштабам контрнаступление. Шестнадцатого июля армия генерал-полковника Моделя, оставляя рубежи, покатила назад, на запад. Но в ставке Гитлера в Восточной Пруссии, под Растенбургом, в «Вольфшанце» никак не хотели трезво оценить этот факт. Гитлер неистовствовал. Вновь и вновь требовал продолжать наступление. Однако уже семнадцатого июля верховное командование вермахта пришло к выводу, что продолжать операцию «Цитадель» бессмысленно. Гитлеру ничего не оставалось, как отдать соответствующий приказ командующим обеими группами армий, задействованным в операции. В «Вольфшанце» сгустилась атмосфера. Тяжелые раздумья ее обитателей невольно приводили их к пониманию того, что с началом советского контрнаступления в войне на Восточном фронте наступил поворотный момент и окончательный оперативный перелом в пользу Красной армии. А за всем этим довольно отчетливо просматривались и еще более мрачные перспективы. Думать теперь надо было только об обороне и удержании любой ценой ранее захваченных земель. На это и были направлены усилия верховного командования вермахта. Но последующие события развивались совсем не по тому сценарию, который был разработан в «Вольфшанце».

Утром двадцать шестого июля берлинское радио передало сообщение о свержении режима Муссолини. К власти в Италии пришло правительство во главе с маршалом Бадольо. «Предполагают, что эту смену правительства следует объяснить состоянием здоровья дуче, который был болен в последнее время», – прокомментировал это событие диктор. Но Гитлер в тот же день в ставке вермахта на совещании объяснил свершившееся совершенно иначе.

– ...сообщение радио не соответствует, конечно, действительности, – сказал он, обращаясь к фельдмаршалу фон Клюге. – На самом деле ситуация вкратце такова: в Италии развернулись события, которых я опасался и которые были предсказаны мною недавно здесь на военном совещании. Речь идет о мятеже, нити которого ведут к королевскому дворцу или к маршалу Бадольо, то есть к нашим старым врагам. Вчера был арестован дуче. Он был под предлогом переговоров вызван в Квиринал, там посажен в тюрьму и сразу же смещен декретом... Нам сейчас абсолютно необходимо принять срочные меры... Я решил так же молниеносно покончить в Италии со всем этим делом, как я это сделал в Югославии... Однако я смогу действовать только в том случае, если перебросю дополнительно соединения с Востока на Запад.

Клюге ждал этих слов и опасался их больше всего.

– Мой фюрер! – взволнованно воскликнул он. – Я обращаю внимание на то, что в данный момент я не смогу снять с фронта ни одного соединения. Это совершенно исключено в настоящий момент.

Гитлер тоже был готов к такому ответу. Выждав небольшую паузу, он твердо сказал:

– Но это необходимо сделать... Создалось отчаянное положение. Это надо осознать... Это очень тяжелые решения, вызванные тем, что мы подошли к кризисной точке.

Они действительно подошли к точке, за которой уже все или почти все развивалось совсем не по плану «Барбаросса» и не по каким другим планам. Теперь решения стали приниматься по каждому отдельному случаю. И в «Вольфшанце» зачастили на инструктаж и за указаниями высшие чины военной, имперской и партийной власти. Красная армия тем временем продолжала теснить врага почти по всему фронту все дальше и дальше на запад. Сопровождения у Гитлера следовали одно за другим. На них решался главнейший вопрос – о создании в тылу отступающих немецких войск мощной оборонительной полосы. Двенадцатого августа начальник Генерального штаба сухопутных сил генерал Цейтцлер передал начальнику штаба оперативного руководства верховного командования вооруженными силами (ОКВ) генералу артиллерии Йодлю приказ Гитлера о немедленном строительстве «Восточного вала» на рубеже: Крым, Запорожье, Днепр до Могилева, Витебск, Полоцк, Западная Двина. Одним из важнейших объектов, который надежнейшим образом должен был прикрыть этот «вал», являлся Донбасс.

Однако сразу же встал вопрос: где взять сотни тысяч людей и технику для строительства оборонительных сооружений? Экономические ресурсы рейха к этому моменту были уже серьезно подорваны. Возлагать создание «вала» на инженерные войска вермахта нечего было и думать. И Гитлер, как не раз бывало в подобных случаях, вызвал к себе Гиммлера. С той поры, когда Гиммлер прикрыл Гитлера от пули покушавшегося своим телом, Гитлер стал называть его не иначе как «мой верный Генрих». Разговор фюрера с рейхсфюрером СС носил в высшей степени доверительный характер. Доложив Гитлеру все новости по своему ведомству, Гиммлер перешел к информации о том, как выполняются последние указания фюрера о новых направлениях в пропаганде.

– Берлинское радио и газеты постоянно говорят теперь о концентрации немецкого духа, мой фюрер, – сообщил Гиммлер, – о необходимости новых усилий и жертв. Статьи полны нескрываемых угроз по отношению к подрывным элементам. Народ относится ко всему этому с полным пониманием. Единство нации крепко, как никогда...

– И все же я не склонен преуменьшать напряженность момента, – перебил его Гитлер. – Совсем недавно я требовал от Клюге немедленно отправить танковый корпус с Восточного фронта в Италию. Теперь я могу признаться, что в самое ближайшее время не пять и не десять, а двадцать, а возможно, и еще больше свежих дивизий я буду вынужден забрать из Европы сюда, на восток. Все должно быть сконцентрировано именно здесь! Или мы сделаем это, или мы лишимся всего!

– Мы все сделаем, чтобы выполнить вашу волю, мой фюрер, – клятвенно заверил Гиммлер.

Но Гитлер явно пропустил это верноподданническое заявление мимо ушей. Сейчас он слушал только самого себя.

– Лишь двенадцатого августа я отдал приказ начать возведение «Восточного вала» – этой новой оборонительной линии восточнее Донбасса, – продолжал Гитлер. – А уже второго сентября я вынужден был показать нашему другу Антонеску новый рубеж этой линии. И уже значительно западнее Донбасса. Но здесь я потребую остановиться надолго. Настолько, насколько это потребует нам. С этой новой позиции, которую мы назвали «Пантерой», мы непременно вернемся в Донбасс. Но коль прежде нам придется на время его сдать русским, вам необходимо позаботиться, мой верный Генрих, чтобы они нашли там дотла выжженную землю! Это ваша первая задача.

Гиммлер всем своим видом дал понять, что задача ему абсолютно ясна и он выполнит ее самым наистарательнейшим образом.

– Далее! – продолжал Гитлер. – Для создания оборонительного рубежа «Пантера» мне совершенно необходимо много, очень много рабочих рук. Они будут работать без отдыха дни и ночи! Дни и ночи! И мне безразлично, сколько при этом погибнет людей! Мужчин! Женщин! Подростков! Для меня важно только то, чтобы всюду, где это нужно нашим войскам, были своевременно вырыты и заполнены водой противотанковые рвы, ко всем позициям проложены подъездные пути, проходимые для тяжелой техники, и так далее. Десятки, сотни тысяч этих людей обеспечите мне тоже вы, мой верный Генрих! В связи со всем этим я решил назначить вас министром внутренних дел рейха! И для этого я позвал вас сюда, чтобы здесь лично выразить вам мое полное доверие и пожать вашу честную руку!

Гитлер не мог тогда даже предположить, что пройдет всего лишь полтора года и он в своем завещании напишет: «Перед своей смертью я исключаю из партии и лишаю прав бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Генриха Гиммлера... Помимо того, что Геринг и Гиммлер были неверны мне, они покрыли несмываемым позором нашу страну и нацию тем, что секретно и против моего желания вели переговоры с противником и пытались захватить власть в государстве». Но это будет сказано в четыре часа ноль-ноль минут двадцать девятого апреля 1945 года. А сейчас еще шел сорок третий. И до того как завещание попадет из рук генерала Кребса в руки генерала Чуйкова, утечет еще много людской крови.

– Моя жизнь всегда безраздельно принадлежала вам, мой фюрер! – патетически воскликнул Гиммлер.

– Я знаю, мой верный Генрих, – уже более спокойно проговорил Гитлер. – Поэтому у меня есть к вам еще одно поручение поистине государственной важности.

Гиммлер весь превратился в слух.

– Я никогда не сомневался в преданности ваших людей, Генрих. И мне никогда не было жалко для них никаких наград. Они заслужили их. Но то, что предстоит им сделать сейчас, будет намного ответственней всех прошлых дел. Мы должны покончить с русским лидером, Генрих! И это будет не просто акт возмездия, но крупнейшая политическая акция! Осуществив ее, мы не только обезглавим противника. Мы покажем всему миру, и в первую очередь нашим не очень устойчивым союзникам, что сфера наших практических возможностей простирается намного дальше линий фронтов и здесь, на востоке, а равно и там, на западе. Мир в свое время узнал о наших «длинных ножах». Пусть теперь он узнает о наших «длинных руках». И пусть тогда задумаются некоторые не в меру строптивые деятели, к чему может привести их неуступчивость...

Гитлер еще о чем-то говорил. Очевидно, продолжал развивать уже начатую мысль о физическом устранении советского Верховного главнокомандующего. Но Гиммлер уже не слушал его. Он лихорадочно думал, как и что ответить фюреру по поводу этого его последнего поручения. Два первых он принял как должные, с готовностью и даже с некоторой облегченностью. Взрывать и жечь его люди умели. А если даже что-то и оставят целым, никто при отступлении этого не учтет. Но третье поручение мгновенно заставило Гиммлера собрать все мысли воедино: как убедить фюрера назначить ответственным за выполнение этой акции не его, государственного министра и рейхсфюрера СС, а кого-нибудь другого? Впрочем, другого он нашел быстро. В последнее время фюрер частенько стал напрямую советоваться по целому ряду вопросов с непосредственно подчиненным Гиммлера, начальником Главного управления имперской безопасности (РСХА) обергруппенфюрером доктором Кальтенбруннером. Гиммлеру это было совсем не по душе. Но, естественно, воспротивиться этим контактам в открытую он не мог. Как не мог быть слишком любопытным и стараться узнать во всех деталях подробности их бесед. Но предпринять что-нибудь этакое иезуитское, что несколько охладило бы отношение фюрера к начальнику РСХА, Гиммлер мог. И, выслушав сейчас третье поручение, немедленно решил, что сама судьба послала ему в руки этот случай.

– Мой фюрер, никто не выполнит это ваше ответственнейшее задание лучше нашего милого Эрнста, – выпалил он, даже не дослушав последней, крайне затянувшейся тирады Гитлера до конца.

Гитлер оборвал свою речь и внимательно посмотрел на «верного Генриха». Гиммлер понял: его внезапная реплика оказала нужное воздействие. Надо было немедленно усилить его:

– Конечно, всю операцию от начала и до ее нужного исхода я буду держать под строжайшим контролем, – продолжал он. – Но Эрнст великолепный знаток своего дела. К тому же он превосходно знает людей и умеет заставить их работать. Я ручаюсь за него, как за самого себя, мой фюрер.

– Хорошо, – неожиданно сразу согласился Гитлер. – Эрнст действительно очень предан мне и национал-социализму. Ему можно доверить это дело. Но сроки, Генрих? Я хочу уже сейчас знать, когда примерно я могу ожидать результатов.

Гиммлер снял очки, что делал крайне редко, и, посмотрев на стекла, будто хотел прочитывать на них дату, которую хотел знать фюрер, привычным жестом вернул очки на нос.

– Если придется начинать с нуля, меньше чем в полгода не уложимся, – ответил он.

Гитлер быстро пересчитал на пальцах последующие месяцы.

– Надо быстрее, – потребовал он.

– Мы сделаем все, что в человеческих возможностях, – ответил Гиммлер.

– И все же надо побыстрее, – повторил Гитлер. – Не жалейте ничего. Привлекайте лучших специалистов во всех областях. Используйте любые материалы, сколько надо денег, не отдыхайте! И все держите в строжайшей тайне. Конечный результат ваших усилий должны знать не более четырех-пяти человек. За малейшую утечку информации расстрел без суда. Таковы мои требования, мой верный Генрих.

– Я немедленно вылетаю в Берлин, – поднялся из-за стола Гиммлер.

– Сегодня же передайте мою просьбу и мой приказ Кальтенбруннеру. Объясните ему, что выполнение данной акции будет лучшей помощью его служб вермахту, – снова потребовал Гитлер. И, почувствовав, что Гиммлер ждет от него чего-то еще, добавил уже более мягким тоном: – Что касается официального приказа о вашем новом назначении, то о нем в Берлине узнают раньше, чем вы попадете туда. Желаю успеха!

Вот теперь аудиенцию можно было считать абсолютно законченной. Гиммлер в душе с облегчением вздохнул. Она не только прошла удачно, но еще и с большим выигрышем для него.

– Я никогда не забуду вашего истинно отцовского отношения ко мне, мой фюрер, – расстроганно проговорил он. – И никогда не стану повторять, что моя жизнь всецело принадлежит вам.

Глава 2

Назначение на пост министра внутренних дел, а стало быть, и оказанное «верному Генриху» столь высокое доверие не вызвало у него ни малейшего угрызения совести. А основания для этого, надо прямо сказать, были весьма основательные. Еще в августе сорок второго года в своей полевой штаб-квартире в Житомире Гиммлер в деталях обсуждал с начальником VI управления РСХА бригаденфюрером Вальтером Шелленбергом вопрос возможного «компромиссного соглашения» с западными державами. Они тогда даже составили некоторые наброски соглашения, решив предложить западным державам уход вермахта из Северной Франции, Голландии и Бельгии и создание франко-германского экономического союза. При этом Австрию и Судеты они оставляли в составе рейха. Западную часть Польши намеревались превратить в свою постоянную колонию, пространство между Обью и Леной передать под управление Англии, а район между Леной, Камчаткой и Охотским морем отдать США. Естественно, все это делалось в строжайшем секрете за спиной обожаемого фюрера.

Но если о компромиссах с собственной совестью Гиммлер предпочитал не распространяться, то продемонстрировать свою исполнительность и преданность Гитлеру за счет других он никогда не упускал случая. Поэтому едва в его кабинет зашел Кальтенбруннер, Гиммлер ознакомил его с проектом приказа высшему руководителю войск СС и полиции на Украине группенфюреру Прюцману о разрушении Донбасса. «Дорогой Прюцман! – говорилось в нем. – Генерал пехоты Штапф имеет особые указания относительно Донецкой области. Немедленно свяжитесь с ним. Я возлагаю на Вас задачу всеми силами содействовать ему. Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса, чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая не была бы выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну. Немедленно обсудите эти вопросы со Штапфом и сделайте все, что в человеческих силах, для выполнения этого... Ваш Гиммлер».

Приказ был подписан седьмым числом сентября месяца. При всей изворотливости и подозрительности своего ума начальник РСХА не сразу сообразил, для чего же его шефу понадобилось писать эту реляцию, если Донбасс практически уже сдан русским? Если за последние шесть дней стремительного наступления Красной армии вермахт вынужден был оставить такие важнейшие промышленные центры Донбасса, как Дебальцево, Славянск, Артемовск, Горловка, Макеевка и, наконец, Сталино? И что уже теперь могут сделать по выполнению этого приказа и Прюцман, и Штапф, и все другие большие и маленькие чины и чиновники? Такого неприкрытого лицемерия Кальтенбруннеру не приходилось видеть уже давно. Но то, что он услышал от рейхсфюрера в следующий момент, озадачило его еще больше.

– Надеюсь, дорогой Эрнст, что вы возьмете под личный контроль выполнение этого приказа, – будто и слыхом не слыхав, что творится на фронте, сказал Гиммлер.

Кальтенбруннеру на какой-то момент даже показалось, что уж не шутит ли шеф. Но приказами такого плана ни в штабе рейхсфюрера, ни в РСХА не шутили. Тогда что это: какое-то очередное, не очень умное прощупывание?

– Не сомневайтесь, рейхсфюрер. Я сделаю все, что в моих силах, – не стал испытывать судьбу Кальтенбруннер. – Позвольте мне обратить ваше внимание лишь на то, что без войск вермахта нам будет трудно депортировать в глубь нашего тыла даже лагерь. Перегоняемые на запад десятки, сотни тысяч жителей, скот непременно надолго забьют все дороги, так необходимые вермахту для маневра и подвоза резервов, боеприпасов, продовольствия. Командование вермахта уже не раз выражало по этому поводу свое недовольство.

– Знаю, Эрнст, – согласился Гиммлер. – Знаю... Очевидно, для подлежащих насильственной эвакуации придется проделывать колонные пути. Возможно, следует предусмотреть еще какие-нибудь способы и меры...

– Но это еще не все, рейсхфюрер, – продолжал Кальтенбруннер. – Наступает пора массового сбора урожая на Украине. По данным рейхслейтеров и гебильдкомиссариатов, в этом году в восточных и западных районах Украины ожидается хороший урожай зерна, картофеля, свеклы, яблок. Но кто будет их убирать? Грузить? Отправлять в рейх? То, что население собирает для себя, мы успеваем отобрать и вывезти на запад. Но это лишь малая толика того, что мы можем получить и должны были бы получить, если бы вермахт крепче удерживал занятые им районы.

– Мне это тоже известно, Эрнст, – не стал оспаривать сложившуюся на фронте ситуацию Гиммлер. – Уже третий раз намечаются все новые и новые рубежи «Восточного вала». Хуже того, возможно, какое-то время вермахт и дальше будет терять свои позиции. Но я уверен, что это носит чисто временный характер. Во всяком случае, мы свои задачи будем выполнять безукоснительно. И эти, и ту особую, государственной важности, которую только что перед нами поставил фюрер.

Кальтенбруннер знал о встрече Гиммлера с Гитлером, знал, что Гиммлер был в «Вольфшанце». Одним из первых узнал от Бормана, что его шеф стал министром внутренних дел. Но уже тогда подумал, что не затем, чтобы объявить ему об этом назначении, фюрер вызывал его в свою ставку. «Особую, государственной важности, – повторил он мысленно характер предстоящей задачи. – Так что же требуется конкретно?»

– Мы должны уничтожить Верховное командование Красной армии, Эрнст, – продолжал Гиммлер. – Конечно, в первую очередь и как главный объект – Сталина. Не удастся покончить с ним, любого из его ближайших помощников. Но обязательно того, кто непосредственно работает в Москве...

«Вот главный вопрос, который они обсуждали в “Вольфшанце”, – сразу же решил Кальтенбруннер. – Фюрер доверил его Гиммлеру и наверняка ему же поручил всю организацию и подготовку данной операции...»

– Это будет наша конкретная, практическая помощь вермахту... Успешное выполнение этой акции необычайно поднимет в глазах фюрера деловой авторитет наших служб... В конце концов это тот случай, который выпадает на долю исполнителя раз в сто лет... Вы сами отлично понимаете, Эрнст, что ждет нас с вами в случае успеха... А неуспеха просто не должно быть... Мы не имеем никакого права не оправдать доверие фюрера... – не без пафоса говорил, будто выступал перед солидной аудиторией, Гиммлер.

Кальтенбруннер никогда не был военным. Очень плохо разбирался в тактике и оперативном искусстве. Концентрация сил, вклинение, прорыв, обход, охват, как, впрочем, и многие другие понятия войны в сфере его деятельности, выглядели и звучали куда скромнее. Но и не зная военных премудростей, он давно уже понял, что дела у вермахта на Восточном фронте идут совсем далеко не так, как это планировалось и как об этом разглаговльствовали напыщенные и спесивые военачальники. Еще сравнительно недавно в глазах и поведении у многих из них отчетливо проглядывалось одно высокомерие. А теперь, оказывается, им уже надо помогать... «И это в первую очередь должен буду делать я», – сделал для себя основной вывод шеф РСХА. И тотчас, будто Гиммлер читал его мысли, получил своей догадке подтверждение.

– Я искренне порадовался за вас, дорогой Эрнст, когда фюрер поручил мне передать вам, что именно на вас и на ваши службы возлагает он всю ответственность за успех намечаемой акции, – продолжал новоиспеченный министр внутренних дел. – Фюрер наделяет вас неограниченными полномочиями. Вам предоставляются самые широкие права привлекать в процессе подготовки и проведения акции любых специалистов, любую технику, любые средства.

Кальтенбруннер слушал то, что ему по поручению Гитлера передавал его шеф, и мысленно, в самых общих чертах, пытался представить себе, как это задание можно выполнить, если до сих пор ни одному ни из старых, давным-давно законспирированных в России, ни из новых, засланных в эту варварскую страну перед самой войной разведчиков не удалось вклиниться ни в один штаб на уровне хотя бы армейского звена или в государственное учреждение республиканского масштаба? Но так же как и его шеф перед Гитлером, не выразил и намека на трудность выполнения планирующейся акции, так и он не высказал Гиммлеру ни малейшего сомнения в успехе ее осуществления. Он тоже, как и Гиммлер в беседе с Гитлером, спросил у шефа только о сроках ее исполнения.

– А сколько времени заняла подготовка к операции «Тевтонский меч»? – вопросом на вопрос неожиданно ответил Гиммлер.

Гиммлер задал вопрос наобум. Так сказать, по аналогии. По совпадению конечных целей. С той лишь разницей, что жертвой «Тевтонского меча» пал министр иностранных дел Франции Леон Барту, а в результате планируемой акции должен был погибнуть один из членов Государственного Комитета Оборона или членов Ставки Верховного главнокомандования СССР. И он забыл, что к «Тевтонскому мечу» нынешний начальник РСХА не имел никакого отношения. Но Кальтенбруннер немедленно воспользовался этой промашкой своего шефа и уместно напомнил ему, что в ту пору он занимался другим, не менее ответственным делом и даже пострадал за него.

– У меня тогда, рейхсфюрер, в моей милой Вене были другие проблемы. И я могу точно сказать, сколько и чего мы затратили на операцию против правительства Дольфуса.

– О, да-да! – спохватился Гиммлер. – А через три года произошла такая наша приятная встреча на венском аэродроме! Все правильно, мой дорогой Эрнст. Я сам объяснил фюреру, что меньше, чем в полгода, нам не уложиться.

«Настало время хоть что-нибудь выторговать и для себя», – снова решил Кальтенбруннер.

– Думаю, рейхсфюрер, что мы не уложимся и в год, – довольно твердо сказал он. И чтобы не вызвать у Гиммлера подозрений в том, что он мало верит в успех операции, добавил: – Ведь вам лучше, чем кому-либо другому, известно, что оставил мне в наследство в России наш милый Гейдрих.

– Да, Эрнст, это мне известно, – согласился Гиммлер. То, что было плохо у предшественника Кальтенбруннера в РСХА, то было плохо и у рейхсфюрера СС, потому что РСХА было его детищем со всеми ее службами, управлениями и отделами. И, намекая сейчас Гиммлеру на явный недостаток агентуры в России, Кальтенбруннер недвусмысленно обвинил в этом и его – своего всемогущего шефа.

– Да, положение, вне всякого сомнения, оставляет желать лучшего, – еще раз подтвердил свое согласие Гиммлер. – Но мы его исправляем. И вы, Эрнст, это знаете. Если нам удалось забросить в советский тыл в сорок первом году в четырнадцать раз больше агентов, чем в тридцать девятом, то в сорок втором – уже в тридцать один раз, а в этом и вовсе в сорок три раза. Это не так уж мало! И не надо забывать, Эрнст, что к концу прошлого года в наших школах и лагерях обучалось более десяти тысяч человек. И потом вспомните, Эрнст, разве не мы, немцы, первыми в мире разработали и применили самую дальнюю связь с нашими подводными лодками, разве не нам принадлежит пальма первенства разработки самолетов-снарядов и тяжелых ракет дальнего радиуса действия? Разве не мы еще в прошлом году дали первый ракетный залп с подводной лодки, погруженной на глубину двадцати метров? А наши изыскательные работы в области реактивной авиации? Не надо унывать, Эрнст. Недостаток в чем-либо одном всегда может быть с лихвой наверстан преимуществами в чем-то другом.

Кальтенбруннер понимал, что все это было сказано ради красивого словца. Да, шпионов и диверсантов стали забрасывать в Советский Союз в десятки раз больше, чем до войны.

Да, школы и учебные лагеря при зондеркомандах усиленно натаскивают тысячи новых лазутчиков. Но где та отдача от них, на которую возлагали в рейхе такую большую надежду? Где дезорганизация советского тыла? Где массовые диверсии? Акты саботажа? Какие удалось взорвать стратегически важные мосты и другие объекты? Нет, кое-что, конечно, получается. Но так мало, что этого не компенсируешь ни самой дальней в мире радиосвязью, ни залпами из морских глубин. И уж точно на намечавшуюся акцию ни то, ни другое, ни третье не окажет ни малейшего влияния. А за подготовку к акции нужно было браться. И не откладывая. И с такой энергией, которую заметили бы все, посвященные в нее. Но Кальтенбруннеру захотелось хотя бы самую малость подстраховаться на всякий непредвиденный случай. И он, прежде чем поблагодарить фюрера и рейхсфюрера за оказанное ему такое высокое доверие и выразить полную уверенность в том, что порученное ему задание непременно будет выполнено, обратился к Гиммлеру с просьбой, а равно и с предложением:

– Я думаю, что не ошибусь, если возложу непосредственное руководство подготовкой и осуществлением данной акции на начальника восточного отдела VI управления оберштурмбаннфюрера Грейфе и назначу одним из его помощников Скорцени?

– Конечно, я также сказал фюреру, что вы лучше всех знаете своих подчиненных, – охотно согласился Гиммлер и не без удовольствия, пристально посмотрев в глаза своему австрийскому конкуренту, добавил: – И все же, мой дорогой Эрнст, полную ответственность за всю операцию фюрер возложил лично на вас.

– Я никогда этого не забуду, рейхсфюрер. Хайль! – вскинул длинную, как у орангутанга, руку Кальтенбруннер и, услышав ответное «Хайль!», вышел из кабинета своего шефа.

Кальтенбруннер ни на йоту не сомневался в том, что отныне и до самого последнего момента осуществления операции Грейфе будет подробнейшим образом доносить Шелленбергу, а тот незамедлительно Гиммлеру о всех деталях ее хода. Потому что Грейфе и Шелленберг были людьми Гиммлера. Потому что все, кто служил в РСХА, были либо людьми рейхсфюрера, либо людьми Кальтенбруннера. Койечно, в иной ситуации Гиммлер никогда бы такого раздвоения не допустил и очень быстро избавился бы от всех и каждого, кто хоть и в тайне ориентировался бы не на него, а на кого-либо другого. Но дело для него осложнялось тем, что сам Кальтенбруннер был человеком Гитлера. Австрийцем. А стало быть, и земляком фюрера. И именно фюрер, а не кто-нибудь иной, после убийства чешскими патриотами Гейдриха назначил на его место начальником РСХА австрияка, бывшего венского адвоката, ставшего впоследствии «высшим фюрером СС и полиции» в Австрии доктора Кальтенбруннера, присвоив ему вначале чин брйгаденфюрера, а затем группенфюрера и обергруппенфюрера СС. И не только назначил, но и, как это всем уже было известно, в последнее время все чаще и чаще стал решать многие вопросы непосредственно с ним. Но Гиммлер, несмотря на все эти нюансы, все же оставался непосредственным начальником Кальтенбруннера. И потому Кальтенбруннер и поручил это ответственнейшее задание человеку Гиммлера. А уж как потребовать точности его выполнения, как предупредить об ответственности за исполнительность – это Кальтенбруннер знал и умел...

В тот же день Грейфе был вызван в кабинет начальника РСХА, где ему строго конфиденциально было объявлено о возложенном на него задании особой важности и секретности и даны четкие и жесткие указания по его выполнению. Тогда же было решено в целях строжайшей конспирации никакого обозначения предстоящей акции не давать, подготовку вести в рамках разведоргана «Цеппелин», поименно назван круг должностных лиц, задействованных в операции.

Грейфе не знал, сказал ли рейхсфюрер Кальтенбруннеру о том, что идея эта не новая. Что она уже возникала однажды перед войной. И что Гиммлер уже обсуждал ее с предшественником Кальтенбруннера Гейдрихом. Тогда даже были сделаны кое-какие шаги по воплощению ее в жизнь. В частности, одному из московских агентов было приказано детально изу-

чить маршруты ежедневных поездок на работу и с работы руководителей партии и государства и сделать фотоснимки мест, наиболее удобных для проведения террористической акции. Но дальше этого тогда дело не пошло. Надвигались более грозные события. В действие вступал план «Барбаросса». И Гиммлер посчитал неуместным выходить на фюрера с предложением своего замысла. И тогда об этом задании забыли. Но сейчас Грейфе живо вспомнил о нем и распорядился отправить радиограмму агенту номер «двадцать два» с приказом немедленно найти эти фотографии. Сейчас они, как никогда, оказались бы очень кстати.

Глава 3

Сентябрь сорок третьего в Москве был сухим и солнечным. А сама Москва, хоть на ней и проглядывалась совершенно четко печать сурового военного режима, выглядела чистой и опрятной. Заметно меньше стало на улицах людей. Часть населения еще не вернулась из эвакуации. Исчезла праздноголюбивая публика. До жесточайшего минимума сократилось число командированных. Все трудоспособные жители столицы работали на предприятиях. И все же Москва совершенно не выглядела безлюдной. Нормально работал городской транспорт, кинотеатры и театры, в Парке культуры и отдыха имени Горького успешно функционировала выставка образцов трофейного вооружения, и ее охотно посещали москвичи. Заметным стало и оживление в магазинах. Следов бомбежек в городе почти не было видно. Ушедших на фронт дворников призывных возрастов заменили их жены, дети-подростки. Тротуары и проезжая часть улиц и переулков регулярно поливались водой и подметались, на них не скапливалась даже опавшая листва многочисленных зеленых насаждений столицы. А когда после полудня залихватские звонки возвещали об окончании занятий в учебных заведениях и на улицы высыпала учащаяся молодежь, город и вовсе становился шумным и говорливым. Постоянной и наиболее характерной приметой города тех дней было, конечно, большое число военных. Особенно много их было на вокзалах. Через Москву ехали на фронты и с фронтов раненые и уже подлечившиеся, те, кого вызывали в Москву, и те, кого она сама направляла в свой тыл и в глубокий тыл врага: офицеры и солдаты небольшими группами и целыми воинскими командами. Это было совершенно естественно.

Поэтому появление на Арбате сухощавого, лет тридцати пяти старшего лейтенанта с узенькими погонами на гимнастерке и небольшим солдатским мешком на левом плече ни у кого не вызвало ни малейшего любопытства. Однако если бы военный патруль, а он нес свою службу на улицах города исправно и бдительно, вздумал поинтересоваться личностью старшего лейтенанта и потребовал бы у него документы, то узнал бы, что их предьявитель старший лейтенант интендантской службы Помазков направлен в г. Москву в в. ч. 27865 для выполнения служебного задания. Документы, удостоверяющие личность и командировочное предписание Помазкова, были заверены круглой гербовой печатью и подписью командира части, в которой проходил службу Помазков. Но патруль Помазкову не встретился. Зато мимо него и рядом с ним проходили и проезжали сотни других людей, которым, как уже говорилось, до него не было никакого дела. А он тоже не обращал на них почти никакого внимания, потому что знал, что не встретит среди них даже случайно ни знакомых, ни родственников, ибо также отлично знал, что их в Москве просто нет. И его наверняка никто не остановит и не узнает. Впрочем, один человек, хоть и с большим трудом, все же мог бы узнать его. Этим единственным человеком был дворник дома с флигелем Захарыч. И хотя Захарыч встречался со старшим лейтенантом еще до войны всего два раза, он тем не менее мог бы вспомнить, как и при каких обстоятельствах происходило это. Но вероятность встречи с Захарычем тоже была равна нулю. Потому что, как было доподлинно известно старшему лейтенанту, Захарыч где-то воевал на фронте. Не было в Москве и последней ответственной квартиросъемщицы во флигеле Барановой. Это также прекрасно знал старший лейтенант.

Миновав магазин «Фрукты», столовую и фотоателье, Помазков завернул под арку дома. В глубине двора, прямо напротив арки, показалась обитая вылинявшим брезентом входная дверь флигеля, приступки, ведущие к ней, и потускневшая, давным-давно нечищенная медная пластина. Помазков сделал несколько шагов под аркой и вдруг увидел, как дверь открылась и из флигеля вышел милиционер. Это было так неожиданно, что Помазков на какой-то момент совершенно растерялся. Что надо было здесь этому представителю власти? Что делал он во флигеле, в котором находилась квартира Барановой? Естественно, ответить на эти вопросы

старшему лейтенанту никто не мог, и он остановился как вкопанный. Но уже в следующий момент сориентировался и захлопал себя руками по карманам гимнастерки, явно ощупывая их и пытаясь что-то в них найти. Но в карманы не полез, а, будто что-то припомнив, повернулся и медленно вышел из-под арки обратно на улицу. И уже не задерживаясь, пересек Арбат и вошел в булочную напротив. Тут, смешавшись с москвичами, выкупавшими по карточкам хлеб, он пристроился у витрины и стал наблюдать за аркой. Из булочной не было видно, что делалось внутри двора. Зато прекрасно можно было разглядеть каждого, кто входил и выходил из него.

Прошло несколько минут напряженного ожидания, во время которого Помазков старался как-то объяснить себе появление в квартире Барановой милиции, и из-под арки вышли трое милиционеров. Двое из них вели лет четырнадцати парня, третий шел сзади и нес обыкновенный дворницкий лом. Парень не оказывал стражам порядка никакого сопротивления. Встречные прохожие то и дело заслоняли парня от Помазкова, но он все же заметил, что парень явно был смущен случившимся и тем любопытством, с каким на него глазели окружающие.

«Неужели, на мое счастье, все это чистейшая случайность? И вся катавасия только из-за этого стервеца, который просто-напросто пытался обворовать квартиру Барановой, – пытался успокоить себя Помазков. – Ведь если это именно так, то, значит, еще ничего не потеряно?»

Помазков еще с полчаса потолкался в булочной, потом вышел на улицу, постоял в толпе, стремившейся попасть в кинотеатр «Арс», даже спрашивал у прохожих, нет ли у кого лишнего билетика, а сам не спускал глаз с арки дома с флигелем. Но ничего подозрительного так больше и не увидел. И все же он еще долго разгуливал по противоположной стороне Арбата, прежде чем решился снова заглянуть во двор. Однако наконец заглянул. Но тут его ожидал новый сюрприз. На двери квартиры Барановой появился здоровенный всячий замок. Очевидно, милиция позаботилась о том, чтобы больше никто во флигель не входил. Но много хуже этого было то, что еще и опечатали дверь.

Помазкову очень надо было побывать в квартире Барановой. Для того чтобы попасть в нее, у него был ключ. А на случай всяких недоразумений доверительное письмо, правда, написанное не самой хозяйкой, а лишь ее почерком, но датированное еще маем сорок первого года. В письме сообщалось о том, что Баранова высылает Помазкову ключ и разрешает останавливаться у нее в любое время, независимо от того, будет ли она сама дома или в отъезде. Но это письмо действительно было на самый крайний случай. Ибо с кем-нибудь объясняться, привлечь к себе чье-то внимание совершенно не входило в планы старшего лейтенанта. Тем более вступать по поводу посещения квартиры в контакт с милицией. Но именно это-то и необходимо было теперь делать. Помазков задумался, как поступить.

– Вы, товарищ военный, к кому? – услышал он неожиданно за спиной незнакомый женский голос.

Помазков обернулся. Перед ним стояла пожилая женщина с ведром. «Вероятно, какая-нибудь соседка Барановой, – решил он, пытаясь припомнить ее. – Ведь мог же он встречаться с ней?» Но память ничего ему не подсказала. Похоже было, что и соседка совершенно не узнала старшего лейтенанта.

– Да вот адресочек у меня. Вроде тут врач-протезист прожить должен, – начал объяснять он причину своего появления во дворе. Но женщина не дала ему договорить.

– А как же, Баранова Мария Кирилловна, – подсказала она.

– Совершенно верно...

– В отъезде она, – объяснила женщина. – Перед самой войной уехала в Ригу. Ну а Рига-то сейчас под немцем. И никаких вестей от Барановой нет. А квартиру-то вот только что обворовали...

– Как? – сделал удивленные глаза Помазков.

– Ну прямо вот только что! – подтвердила женщина и взмахнула от огорчения, что гость не застал случившееся, руками. – И милиция была. И шпану одного забрали! И замок повесили!

– Ай-ай-ай, – в тон ей заохал Помазков.

– А уж много ли утащили, этого нам не сказали...

– Да кто скажет! – посочувствовал неудовлетворенному любопытству соседки Помазков.

– Говорят, у нее ведь и золото было, – доверительно сообщила соседка.

– Сколько угодно, – согласился Помазков. – Значит, мои хлопоты совсем пустые.

– Выходит, что да, – подтвердила женщина.

Помазков поблагодарил соседку Барановой за разъяснения и вышел со двора. То, что он не отрекомендовался этой незнакомой ему женщине как доверенный Барановой, нисколько не мешало ему заявить о своих отношениях с Марией Кирилловной в милиции, где в подтверждение своих слов он мог предъявить и ее письмо. И можно было не сомневаться в том, что милиция распечатала бы квартиру и сняла замок. Но, как уже говорилось, оставлять о себе в милиции какие-то следы Помазкову не хотелось. А побывать в квартире у Барановой ему было очень надо. Ради этого он и приехал в Москву. И вдруг вся эта глупая история с воровством. Помазков не сомневался в том, что в квартиру Барановой залезли не профессиональные воры, а какие-нибудь шалопаи-мальчишки. Кстати, одного из них он даже видел. И то, что это сделали не профессионалы, его даже обрадовало. Еще можно было надеяться на то, что не все пропало. Хотя мальчишки напортили все хуже некуда. Впрочем, оставался еще один вариант, который мог привести Помазкова к цели. Но надо было хорошенько подумать, как его лучше осуществить. А главное – безопаснее. И уж конечно, не сегодня... И не завтра... И даже не послезавтра... А когда все успокоится и немного забудется...

Глава 4

Арестованного на месте преступления в квартире Барановой парня привели в отделение милиции.

– Значит, отец на фронте, мать в тылу не жалеют сил, чтобы скорее покончить с врагом, а ты шарить по чужим квартирам, – сверив с протоколом основные данные, сделал вывод следователь.

– Да говорю же, не брал я ничего, – упрямо отрицал свою вину парень. – За кошкой я туда ходил...

– Как же она, интересно, в запертую квартиру попала? – усмехнулся следователь.

– В том-то и дело, что она открыта была!

– Кто же ее в таком случае открыл?

– А я почему знаю?..

– Не очень-то верится. Получше придумай чего-нибудь, – посоветовал следователь.

– И придумывать нечего. Там весь пол ломом переверочен. Все доски вывернуты. И стены везде прошурованы. А где у меня лом? Что я его, съел? – стоял на своем парень.

Следователь еще раз внимательно перечитал рапорт старшего милицейского наряда. Заглянул в какие-то бумаги.

– Твоих отпечатков пальцев на ломе действительно не обнаружено, – сказал он. И добавил: – Но и кошки тоже никакой в квартире не нашли.

– Говорю вам, не брал я ничего и не знаю ничего, – настойчиво повторил парень и, понизив тон, добавил: – Кольку Грача спросите. Он знает. А я ничего не знаю.

Упоминание о Граче мгновенно насторожило следователя. Грач был отпетым уголовником, занимавшимся в основном мелкими квартирными кражами.

– Когда же ты видел его? – сразу спросил следователь.

– Еще на прошлой неделе, – ответил парень.

– А откуда тебе известно, что он знает?

– Сам слышал.

– Где? Когда?

– Сам он Нинке Фиксатой в «Арсе» говорил, что у врачихи должно быть желтенькое. Раз она уехала еще до войны, то с собой его не потащила. Значит, оно у нее где-нибудь тут припрятано...

– Еще что? – записывая показания, спросил следователь.

– Говорил, что, значит, надо пошарить, – буркнул парень.

– С кем собирался? Кого называл?

– Больше я не слышал.

– Где сейчас проживает Грач?

– Не знаю.

– А кто знает?

– Нинка должна знать...

– Ладно. Дальше сами разберемся. Спасибо и за это, – поблагодарил следователь.

Парня увели. А следователь быстро направился к начальнику отделения.

Через несколько минут наряд милиции в десять человек на двух машинах выехал на Малую Грузинскую улицу, где, по имеющимся данным, проживала некая Нинель Скоморошкина, именуемая среди своих Нинкой Фиксатой. А еще через полчаса на квартире Скоморошкиной были пойманы с поличным и арестованы три человека во главе с Грачом. Компания пьянствовала и фактически была застигнута врасплох. Тут же были свалены вещи, похищенные у Барановой. В основном это была одежда, посуда и хрусталь. В том числе небольшая

старинная хрустальная люстра с голубыми и рубинового цвета подвесками. Часть посуды компания использовала по прямому назначению. Вареная картошка лежала на столе в большом фарфоровом блюде, квашеная капуста – в салатнице производства фабрики Кузнецова. В прозрачном, как слеза, хрустальном штофе тускло мутнел самогон. Его разливали в дорогие, зеленоватого оттенка лафитники. Здесь же лежала небольшая металлическая шкатулка со взломанной крышкой и валялись какие-то фотографии, разбросанные по всему столу.

Когда все ворованное имущество было переписано, старший наряда спросил Грача:

– Золото где? Драгоценности?

– Не было их, гражданин начальник, – меланхолически ответил Грач.

– Темнить не советую, – предупредил старший.

– Да точно не было, гражданин начальник, – поклялся Грач. – Тайник ковырнули. Шкатулку взяли. А в ней вот эта муть.

– Какая муть? – не понял старший.

– А вот, снимочки эти. Знали бы, разве полезли бы...

Только сейчас старший наряда обратил внимание на фотографии и взял их в руки. На них были изображены какие-то здания, улицы, мосты, люди. Старший наряда повертел фотографии в руках. «И зачем их было прятать в тайник? Наверняка крутит что-то бандюга. Ну да следователи разберутся», – решил он, уложил снимки обратно в шкатулку и привез их в отделение милиции.

Следствие по делу ограбления квартиры Барановой пошло своим чередом. Но начальник отделения, тщательно изучив фотоматериалы, сразу обратил внимание на то, что многие запечатленные на них объекты фотографировать было запрещено. Почувствовав в этом что-то неладное, он не стал разбираться, кто и зачем все это делал, а изложив суть происшедшего в рапорте, отправил его вместе со шкатулкой и фотографиями в НКГБ.

Глава 5

Грейфе было не привыкать получать задания от вышестоящего начальства. Иногда такое случалось по несколько раз на день. Одно накладывалось на другое. И было тяжеловато. Но всегда, получив очередное задание, он неизменно отвечал:

– Будет сделано.

И при их последней встрече с шефом РСХА он тоже ответил твердо:

– Будет сделано, обергруппенфюрер.

Но уже тогда подумал: «Как же, однако, не вовремя». И это, если смотреть на дело с его точки зрения, вполне соответствовало действительности. Работы у восточного отдела и без этого задания хватало.

Созданный в начале сорок второго года специальный разведорган «Цепелин», размещавшийся в Австрии и именовавшийся для краткости «Цет-VI», и все три входившие в его состав дислоцировавшиеся на советско-германском фронте отделения: «Русланд-Норд», «Русланд-Митте» и «Русланд-Зюд» и имевшие к восточному отделу VI управления РСХА самое прямое отношение были заняты повсеместной перестройкой своей работы. Она была вызвана тем, что заброска в советский тыл хоть и многочисленных, но мелких групп диверсантов, как показала практика, не оправдала себя. Монолитность советского тыла, сплоченность советских людей, в любую минуту активно поднимавшихся на борьбу со шпионами и диверсантами, оказались непосильными для мелких групп «цепелиновских» и абверовских лазутчиков. Учитывая это, восточный отдел в спешном порядке отрабатывал операцию «Волжский вал», ставившую своей задачей организацию на советской территории крупных диверсионных формирований. Такие формирования должны были в первую очередь надежно и на длительный срок нарушать в советском тылу коммуникации, связывающие фронт с Уралом и промышленными предприятиями оборонного значения, расположенными в Сибири. Кроме того, восточному отделу РСХА и руководству «Цепелина» казалось, что «для ликвидации диверсионных групп крупного масштаба потребуется помощь действующих частей Красной армии – местные органы не в состоянии оказать должное сопротивление диверсионным формированиям. Крупные, хорошо вооруженные группы сумеют привлечь на свою сторону немецких военнопленных, освобожденных ими из лагерей. Растущие диверсионные группы будут останавливать поезда с оружием и вооружать лиц, присоединившихся к ним». Таковы были планы. Они были утверждены. И надо было скорее их выполнять. А тут новое задание, да такое, которое исходило от самого рейхсфюрера. А может быть, даже и от фюрера. Вот почему Грейфе, помня строжайший приказ Кальтенбруннера не терять напрасно ни одного часа, отложив все другие дела и заботы, в том числе и выполнение операции «Волжский вал», уже через три дня, имея совершенно четкий план действий по подготовке выполнения нового задания, попросился на прием к начальнику РСХА. Естественно, перед этим он обо всем доложил своему непосредственному начальнику бригаденфюреру Шелленбергу. И даже предложил ему проинформировать о проделанной работе вышестоящее руководство. Но Шелленберг категорически отказался от этой чести.

– Сами, сами, Грейфе, доложите, – подчеркнув особое доверие, дружески похлопал начальника восточного отдела по плечу Шелленберг и добавил: – Только из первых уст должен узнать обергруппенфюрер о ваших предложениях.

Грейфе и жест, и напутствие бригаденфюрера понял по-своему. Шелленберг явно не хотел связываться в это дело, по крайней мере до той поры, пока не обозначатся какие-то конкретные гарантии его успеха.

Другое дело Кальтенбруннер. Тому некуда было деваться. Он принял Грейфе немедленно. Он даже отложил ради этого самим же им намеченную встречу с представителем мини-

стра труда доктора Лея, с которым должен был решить очень важный вопрос о дополнительной рабочей силе, то есть о новых тысячах узников концлагерей, посылаемых на заводы, шахты, поля и дороги империи.

Всякий разговор с любым человеком, который на иерархической лестнице рейха стоял ниже его, Кальтенбруннер начинал с въедливого разглядывания собеседника. И независимо от того, решалась ли судьба визитера, или он пришел к обергруппенфюреру с докладом, или начальник РСХА вызвал его к себе для того, чтобы объявить ему о повышении по службе, серые немигающие глаза хозяина кабинета неизменно делали свое дело: они ясно говорили пришедшему о том, что видят его насквозь, читают все его мысли, следят за всеми его помыслами.

– Хайль Гитлер! – поприветствовал Грейфе начальника РСХА.

– Хайль, – спокойно ответил Кальтенбруннер. И пристально посмотрел на своего подчиненного.

Грейфе, хоть и привык к этому взгляду, сразу ссутулился и, сделав небольшую паузу, продолжал:

– Обергруппенфюрер, выполняя ваш приказ, мы составили план предстоящей работы и пришли к выводу, что ее одновременно надо разворачивать в четырех направлениях. Мы будем подбирать кандидатуру агента, который мог бы успешно выполнить задуманную акцию. Предстоит создать специальный самолет для доставки его в глубокий тыл русских. Необходимо сконструировать и изготовить специальное оружие, которое обеспечит надежное проведение акции. Непременнo, для того чтобы исключить всякие случайности, следует опробовать это оружие в условиях, максимально приближенных к действительным.

Кальтенбруннер сел за стол.

– Расскажите поподробней. По порядку, каждый пункт, – приказал он.

– Кандидатура агента, – начал излагать соображения отдела Грейфе. – Нет сомнения в том, что только чистокровный ариец и убежденный, преданный фюреру национал-социалист был бы лучшей кандидатурой. Но поскольку работать агенту предстоит в глубоком тылу врага, постоянно общаться с его сверхфанатичным, подозревающим все и всех населением – от этого варианта приходится отказаться. И в первую очередь потому, что ни один наш агент не имеет для выполнения этого задания достаточной языковой подготовки. Поэтому, обергруппенфюрер, хотя мы и помним указание фюрера о том, что русским нельзя доверять никогда и ни в чем, тем не менее считаем, что кандидата в агенты следует подбирать именно из русских, добровольно перешедших на нашу сторону, беспрекословно принявших национал-социализм, неоднократно проверенных нашими службами и зарекомендовавших себя на деле ревностными исполнителями всех поручений и приказов...

– И не только этого, – прервал Грейфе обергруппенфюрер. – Помимо всего того, что вы сказали, подобрать надо еще и такого, для которого абсолютно исключено благополучное возвращение к своим. Он должен бояться своих соотечественников больше, чем людей Мюллера.

– Это указание будет непременно учтено, обергруппенфюрер, – шелкнул каблуками Грейфе. – Согласно четвертому пункту нашего плана отобранный нами агент непременно будет лично испытывать свое оружие на соответствующих целях.

Кальтенбруннер удовлетворенно кивнул.

– Думали ли вы также о том, Грейфе, одному, двум или даже трем агентам поручить выполнение этой акции? – спросил он. – Каково ваше мнение по этому вопросу?

Вопрос был щекотливым. При обсуждении его мнения в отделе разделились. Тем, кого больше всего беспокоила конспирация, казалось, что акцию может и должен осуществить только одиночка. Те же сотрудники отдела, которые четче других представляли себе, с какими колоссальными трудностями агенту придется столкнуться в русском тылу в том случае, если он будет действовать один, с самого начала высказывались за коллективное выполнение зада-

ния. В конце концов сошлись на том, что на всякий случай у основного агента с самого начала подготовки должен быть равноценный во всех отношениях дублер. Грейфе, которому совершенно не хотелось обсуждать сейчас этот вопрос с начальником, вынужден был тем не менее рассказать ему, что было решено.

Выслушав его объяснения, Кальтенбруннер неожиданно встал из-за стола и, скрестив руки на груди, как это любил делать рейхсфюрер, несколько раз прошелся по кабинету из угла в угол. Грейфе понял, что начальника осенила какая-то мысль, и моментально умолк. Он бы мог, конечно, добавить к сказанному еще кое-что. Высказать, например, свое личное мнение по этому вопросу. Но он промолчал...

– А почему бы вам, коль вы думали о двух агентах, не проработать вариант мужчины и женщины? – остановившись вдруг как столб, спросил Кальтенбруннер. – Да-да, Грейфе! Именно так! Мужчина и женщина. Возможно, семья. Возможно, какие-то другие взаимоотношения. Русские, во всяком случае простые люди, весьма патриархальны. И меньше всего склонны в чем-либо подозревать жейщину. А?

Прием для Грейфе был не нов. И если бы дело касалось засылки агентов куда-нибудь в Англию или Америку, то, скорее всего, в отделе именно на такой паре и остановились бы. Но в Россию! В эту чертову полуазиатскую-полуевропейскую страну, в которой должным образом не удастся проявить себя даже опытейшим, законспирированным там еще задолго до войны лучшим агентам не только их отдела, но и хваленного абвера! Что может сделать женщина в России? Однако Кальтенбруннер явно был доволен своей выдумкой. И Грейфе не замедлил признаться:

– Это, обергруппенфюрер, нам в голову не пришло...

– Очень жаль, – не без удовольствия заметил Кальтенбруннер. – Впрочем, в нашем деле приоритет не так уж важен. Куда важнее окончательный результат. Одним словом, подумайте. И выкладывайте соображения по следующему пункту.

– Разработка и техническое обеспечение операции нам представляется не менее важной стороной дела, обергруппенфюрер, – сразу с места в карьер перешел Грейфе. – Провал, ошибки по техническим причинам должны быть полностью исключены. Используемая в операции техника должна обеспечить стопроцентную гарантию безопасного перелета через линию фронта, благополучное приземление на ограниченном, открытом участке местности, включая кустарник, кочки, а также болотистую местность, преодолеваемую гусеничной техникой. Учитывая все это, обергруппенфюрер, мы пришли к выводу, что для обеспечения намечаемой операции необходимо создать специальный самолет.

Сказав это, Грейфе выжидающе посмотрел на начальника РСХА. Хотелось увидеть его реакцию. Но тот и глазом не моргнул. Принял как нечто само собой разумеющееся. Больше того, даже чуть заметно кивнул. То ли тем самым хотел сказать: «Продолжайте», то ли: «А это уж ваше дело, создавайте хоть целую эскадрилью». Во всяком случае, Грейфе понял, что никак и ничем не поразил обергруппенфюрера. И продолжил свой доклад:

– Мы уже связались с несколькими конструкторскими бюро. Наиболее перспективным может оказаться наше сотрудничество с фирмой «Мессершмитт». У нее самый большой опыт по созданию специальных самолетов. И уже почти готов проект очень похожего на тот, который нам нужен...

– Вот это-то я и хотел услышать, – прервал оберштурбаннфюрера Кальтенбруннер. – Не хватило ли вы тут, Грейфе, лишку? Вы знаете, сколько проходит времени от проекта до действующей модели? А у них, как вы говорите, проект готов только почти.

– Мы указали им срок, обергруппенфюрер. Они сочли его реальным, – ответил Грейфе.

– А какой вы им указали срок?

– Десять месяцев, обергруппенфюрер. Быстрее и мы не уложимся.

Кальтенбруннер задумался. Конечно, было бы прекрасно осуществить акцию месяца через два. Хорошо – через три-четыре. Но от желаемого до действительного всегда большой шаг. В данном случае скрупулезный Грейфе определил его почти в год. Это было далеко не прекрасно и даже не хорошо, но это было реально. Кальтенбруннер не сомневался в том, что в восточном отделе подсчитали все по минутам. И все же, как ни подсчитывай, идет война: не хватает того, нет другого, доставать все это придется через третьи страны, так что и год – это еще терпимо. Но все же год! При тех совершенно неожиданных поворотах, которые теперь то и дело случаются на Восточном фронте, сколько за год воды утечет!

– Фюрер может не согласиться с таким сроком, Грейфе, – заметил Кальтенбруннер.

– Всякая поспешность, обергруппенфюрер, может привести к непоправимым ошибкам, – твердо ответил Грейфе.

– Это тоже верно, – вздохнул Кальтенбруннер. – Продолжайте, что у вас еще?

– Учитывая характер цели, мы пришли к выводу о создании специального оружия. Им должна быть миниатюрная реактивная мина кумулятивного действия, с возможностью прожигания брони не менее сорока пяти миллиметров толщиной.

– Стоп, Грейфе, – побарабанив пальцами по столу, неожиданно остановил оберштурмбаннфюрера Кальтенбруннер.

Грейфе почтительно замер.

– Вы видели где-нибудь такую штуку?

– Нет, обергруппенфюрер, – признался Грейфе.

– А у кого-нибудь она уже есть?

– Думаю, что нет.

– Тогда почему же так необходимо что-то создавать заново? Вы представляете, что значит создать новое оружие? А сколько надо его испытывать? Столько всего ухлопаем, а когда будет надо, оно вдруг у вас не выстрелит! – засыпал вопросами начальника отдела Кальтенбруннер. – Вы думали об этом?

– Мы в первую очередь думали о надежном поражении цели, обергруппенфюрер, – привыкся Грейфе. – Наиболее вероятным совершение покушения представляется во время езды. То есть тогда, когда объект покушения будет проезжать мимо агента в машине на большой скорости. Надо также учитывать, обергруппенфюрер, что лидер русских и его ближайшие помощники ездят на бронированных американских машинах марки «кадиллак» или «паккард». Поэтому ни из какого носимого огнестрельного оружия, имеющегося сегодня на вооружении вермахта, а также и гранатами, поразить их невозможно. Вот почему необходимо создание бронепрожигающего снаряда. К такому выводу пришли специалисты-консультанты.

– Не те ли это специалисты, которые столько уже возятся с фаустпатроном? – спросил Кальтенбруннер.

– Они, обергруппенфюрер.

– Вот, Грейфе! Не я ли вам только что говорил, что создание нового образца дело непростое?

– Вы, обергруппенфюрер, – почувствовав, что явно перестарался с обоснованиями, подобострастно подтвердил Грейфе.

– Я сразу понял, куда вы клоните, – погрозив оберштурмбаннфюреру пальцем, как нашкодившему ученику, продолжал Кальтенбруннер. – И скажу вам, Грейфе, если бы не постоянное внимание фюрера к данной работе, я бы уже давно спросил кое у кого из этих изобретателей, почему это у них вдруг перестало получаться то, что так нужно вермахту?

– Но они уже почти у цели, обергруппенфюрер! Они поклялись, что через три-четыре месяца «панцеркнакке», так они собираются окрестить то, что сделают для нас, будет готово, – в свою очередь заверил Грейфе.

– Пока что у них огонь из этого фауста назад летит дальше, чем сам снаряд вперед, – недовольно заметил Кальтенбруннер. – Ну да ладно: три-четыре месяца – это еще куда ни шло. Давайте дальше, Грейфе.

– Я уже докладывал, обергруппенфюрер, что окончательные испытания мы будем проводить в условиях, максимально приближенных к действительным. Будет создан макет улицы, на которой предстоит действовать агенту, – объяснил Грейфе, – на предельной для городских условий скорости пойдет бронированный «кадиллак», в нем будут находиться шестеро одетых в подлинную советскую военную форму, специально подготовленных в физическом отношении для испытания советских военнопленных, по которым будет произведен выстрел. Только таким путем, обергруппенфюрер, мы сможем выявить действительные поражающие возможности «панцеркнакке».

И вновь Кальтенбруннер задумался. И, помолчав, сказал:

– Машин и пленных, Грейфе, не жалейте. Важно не просто испытать. Важно убедиться в полной надежности всего, чем мы намереваемся осуществить акцию.

Глава 6

Уже третий год шла война. Все усилия советской контрразведки в эту суровую для страны пору были направлены на разоблачение гитлеровской агентуры, на ликвидацию засланных в наш тыл террористов, на выявление тех, кто, изменив Родине, вступил на путь прислужничества врагу. Контрразведчики напряженно, с риском для жизни работали в тылу у немцев, на фронте, в нашем тылу – всюду, где был и мог появиться враг. Немало забот в это суровое время выпало и на долю начальника одного из отделов НКГБ полковника Яна Францевича Круклиса. Ему было уже под пятьдесят. Из них более половины он проработал в контрразведке. Высокий, худощавый, немного сутулый, с копной седеющих, слегка выующихся волос, всегда спокойный и уравновешенный, Круклис мог показаться незнакомым даже несколько медлительным. Но именно только показаться. Потому что за этой кажущейся медлительностью скрывался человек очень энергичный, с цепким, аналитического склада умом.

Как только Круклис вернулся в наркомат из очередной командировки, он тут же был вызван к своему непосредственному начальнику генерал-майору Ефремову. Задание руководства он выполнил успешно и отчитался перед генералом Ефремовым буквально в несколько минут. Генерал, выслушав его, неодобрительно покачал головой:

– А вот немцы, Ян Францевич, о результатах твоей работы пишут куда больше. На вот, почитай. Удалось перехватить донесение, – сказал он, протягивая Круклису уже расшифрованный документ.

Круклис прочитал текст шифровки, положил его на стол:

– Им видней. Если нарочно не врут, – заметил он.

– А у нас есть и другое подтверждение, что ты поработал неплохо. Спасибо, – поблагодарил Ефремов и тут же предупредил: – Но отдохнуть, Ян Францевич, не получится. Задание твоему отделу уже дано. Твой заместитель проинформирует тебя о нем во всех подробностях. А я хочу лишь предупредить: дело, судя по всему, с предысторией. Идти придется по старым следам. Но мне кажется, что, если сейчас же не принять каких-то экстренных мер, потом наверстать упущенное будет очень трудно. Поэтому включайся. Разберись.

Отдай все необходимые распоряжения, а уж потом денек можешь отдохнуть.

Круклис направился к себе. Об отдыхе, как о таковом, он и не мечтал. Думал лишь о том, чтобы, вернувшись в Москву, хотя бы хорошенько выспаться. Начальство обычно учитывало измотанность людей, возвращающихся из командировки, и, как правило, выслушав отчет, разрешало «отдохнуть до утра». Но в данном случае столь желанный вариант не сработал.

Едва полковник зашел в свой кабинет и закрыл за собой дверь, как она снова приоткрылась. На пороге появился подполковник Доронин и спросил:

– Разрешите, товарищ полковник?

– А я разве когда-нибудь не разрешал? – с приятным мягким акцентом ответил полковник и, увидев в руках у Доронина какой-то небольшой сверток, добавил: – Тем более, когда приходят с подарком.

– А вы знаете, товарищ полковник, похоже, что вы угадали, – согласился Доронин.

– У меня на такие вещи безошибочный нюх, – признался Круклис. – Еще в детстве выработал: точно знал, когда собираются за уши оттрепать, а когда подарят марципан. А что тут? То, о чем мне только что говорил Ефремов?

Доронин поставил сверток на стол, развернул газету и извлек из нее металлическую шкапулку.

– Доставили из отделения милиции, – доложил он и сообщил полковнику все, что самому ему было известно об ограблении квартиры некой Барановой. Полковник слушал его очень

внимательно, ни разу не прерывал. А когда Доронин закончил доклад, поднялся из-за стола и несколько раз прошагал до двери и обратно.

– История любопытная. И даже смешная: искали золото, а нашли фотографии, – сказал он наконец. – Только так ли уж это все смешно? Что скажешь, Владимир Иванович?

– Во всяком случае, в отделении милиции по этому поводу смеяться не стали, – заметил Доронин.

– Великодушно предоставили это нам, – улыбнулся Круклис. – Ладно. Мы тоже сначала хорошенько подумаем, смеяться нам или нет.

Сказав это, Круклис достал из среднего ящика стола большое увеличительное стекло в оправе с ручкой и начал через него изучать снимки. Делал он это не торопясь. Иногда возвращался к уже просмотренному снимку, сравнивал его с другими. И наконец отложил и фотографии и увеличительное стекло в сторону.

– Кажется, нам тоже будет не до смеха, – задумчиво проговорил он. – Надеюсь, вы обратили внимание на объекты, сфотографированные неизвестным любителем городских пейзажей?

– Еще бы! Сам их подбор уже вызывает законный вопрос, товарищ полковник, – заметил Доронин. – Ведь тут что? Есть снимки секретных и даже совершенно секретных объектов. Есть такие, которые я пока не могу распознать. А есть фотографии каких-то с виду самых обычных подворотен. Но коли они собраны все вместе и заложены в тайник, значит, они тоже были сделаны неспроста? – рассуждал Доронин.

– Вне всякого сомнения, – согласился Круклис. – Но окончательно ясно это будет, если мы узнаем, кто эти снимки сделал.

– Мы над этим уже думали, – ответил Доронин.

– И что же? – пылливо посмотрел на него Круклис.

– Наиболее реальны три версии. Первая: снимки сделаны теми, кто жил в этой квартире до Барановой. Вторая: снимки сделала Баранова или кто-то из известных ей лиц и вложил в тайник с ее ведома. Третья... Но сейчас я подумал, что ее, пожалуй, можно отбросить, – хотел было остановиться Доронин.

Но Круклис категорически возразил.

– Отбрасывать будем потом. Сначала все будем собирать. Так что третья? – потребовал он ответа.

– Третья версия такова: снимки могли быть сделаны уже после отъезда Барановой из Москвы. В докладной начальника отделения сказано, что она уехала примерно за две недели до начала войны. Так вот, снимки сделаны после ее отъезда и спрятаны в тайник без ее ведома, – высказал свою последнюю версию Доронин. – Но во всех случаях, кто бы этим фотографом ни был, он, без сомнения, вражеский агент, работающий или на абвер, или на РСХА.

– Вот это самый важный для нас вывод, – заметил Круклис. – Опираясь на него, мы и будем строить все свои предположения. От него начнем танцевать как от печки и сразу же попробуем разобраться – почему эти фотографии лежали в тайнике? Их что, положили туда и за ненадобностью забыли?

– Маловероятно...

– И я тоже так думаю. Тогда: спрятали до поры до времени или для того, чтобы их кто-то забрал?

– Это больше похоже на правду. Именно кто-то...

– В таком случае давайте рассуждать. Раз фотографии для кого-то приготовлены – значит, за ними придут. Придут рано или поздно. И то ли из-за линии фронта, то ли кто-нибудь из местных, надежно законспирированных тут. Отсюда мой первый приказ: надо хорошенько осмотреть дом Барановой и установить за ним постоянное наблюдение. Второе. Надо кому-нибудь из наших побывать на допросах этих жуликов, которые выкрали фотографии. Воз-

можно, удастся получить какую-то интересующую нас информацию. В-третьих. Фотографии отдайте на экспертизу. Путь точно определяют каждый снятый на них объект. А также время съемок. И последнее. Готовьте справки на всех проживающих в квартире Барановой начиная с тридцать пятого года до июня сорок первого включительно. Я не знаю пока, какая из ваших версий окажется рабочей. Но если это будет вторая, то нужно сразу же быть готовым к ее разработке. Постарайтесь узнать все, что можно, о самой Барановой. Когда, где родилась? Есть ли родственники? Чью она носит фамилию? Свою? Мужа? Если мужа – то где он? Какова его судьба? Узнайте непременно фамилию Барановой до замужества. С этого мы начнем. И я думаю, что дело пойдет.

Доронин собрал со стола фотографии и снова уложил их в шкатулку.

– Я понял задачу, товарищ полковник. Разрешите выполнять? – спросил он.

– Конечно, – кивнул полковник и тут же жестом задержал Доронина: – Интересно, давно ли она живет в Москве?

– Узнаю, товарищ полковник, – ответил Доронин.

– Я к тому, что хорошо бы также знать, с кем она тут встречалась. Наверняка ведь были какие-нибудь друзья или хотя бы знакомые... Кто-нибудь бывал у нее в гостях... Кто? Что за люди? Это надо узнать очень осторожно. Продумайте, как это сделать, чтобы не пошли разговоры, чтобы ненароком не спугнуть кого не надо...

– Продумаю, товарищ полковник.

– Вот теперь действуйте. И как только появится какой-нибудь результат – немедленно докладывайте мне, – хотел было уже отпустить своего заместителя Круклис, но тот задержался.

– Еще одно сообщение, товарищ полковник, – сказал он.

– Слушаю.

– Звонил из танкового училища старший лейтенант Орехов. Ваш сын Эрик досрочно сдал экзамены и отправлен на фронт, – доложил Доронин.

– Вот чертенок. Все боится, что войны на его долю не достанется, – укоризненно покачал головой полковник. – Куда же его направили?

– Орехов сказал, что пока они целой группой поехали на Урал за новой техникой, а уж оттуда напрямиком на фронт.

– И матери ничего не сообщил. Решил сразу поразить письмом из действующей армии. Эх, герой!

– А как старший, товарищ полковник? – спросил Доронин.

– Летает, воюет. Старший и есть старший. Поумней. Пишет регулярно: жив-здоров. Все хорошо. Настроение бодрое, скучать некогда. Больше ни строчки. Пока меня не было, мать получила фотографию. Я глянул, а у него на гимнастерке еще один орден Красного Знамени появился. Освальд молодец, – довольно ответил Круклис.

– Понятно, что и младшей не хочет отставать от него, – сказал Доронин.

– Мне тоже понятно. А вот жена все чаще меня укоряет, почему у нас дочки нет. А я тут при чем? – развел руками Круклис и сел за стол.

За время его командировки накопилась целая гора бумаг, и надо было поскорее все их просмотреть и пустить в дело.

Глава 7

Кальтенбруннер знал, что о каждом шаге, проделанном им по подготовке акции, немедленно станет известно Гиммлеру, а через него и Гитлеру, и поэтому сразу же решил развернуть самую активную деятельность. В начале сорок третьего года по личному приказу Гиммлера все лагеря советских военнопленных были выведены из подчинения отдела Д Главного административно-хозяйственного управления СС и переданы в подчинение специально созданного для этого отдела IVB2 IV управления РСХА – гестапо. Начальником отдела IVB2 был назначен исполнительный штурмбанфюрер Вольф. Его-то, отпустив Грейфе восвояси, и вызвал к себе Кальтенбруннер. А когда тот явился и они обменялись традиционным нацистским приветствием, спросил его:

– Вы можете, Вольф, подобрать в вашем обширном хозяйстве трех-четырёх русских, которые верно служат нам и за которых можно было бы поручиться?

Вольф слышал, что обергруппенфюрер любил ошарашивать своих подчиненных неожиданными вопросами, и потому не растерялся.

– За русских вообще нельзя ручаться, обергруппенфюрер. Все, кто это делали, в конечном итоге обязательно оставались в дураках, – четко ответил он.

– Почему? – вопросительно посмотрел на него шеф РСХА.

– Потому, обергруппенфюрер, что потом непременно обнаруживалось, что в свое время при оценке их качеств почему-то не учли какой-нибудь мелочи. А именно она являлась решающей.

– Тем не менее мне нужны такие русские, – твердо сказал Кальтенбруннер.

– Но есть такие, которые неоднократно доказали нам свою преданность. Двух-трех таких я даже знаю лично, – поспешил ответить Вольф.

– Мало. Подберите еще столько же, – приказал Кальтенбруннер.

– Понял, обергруппенфюрер, – справедливо решив, что всякие рассуждения уже окончены, ответил Вольф.

– Составьте на них наиболее подробнейшие характеристики. И вместе с этими характеристиками передайте в полное распоряжение Грейфе, – продолжал Кальтенбруннер. – Тех, которые ему не понадобятся, он вернет вам обратно.

– Как скоро это надо сделать, обергруппенфюрер? – спросил Вольф.

– Нужных людей подбирать трудно, я это знаю, но постарайтесь уложиться недели в две. Максимум в три, – разрешил Кальтенбруннер.

Начальник отдела лагерей советских военнопленных щелкнул каблуками, вскинул руку и с разрешения хозяина покинул кабинет. Ушел несколько обиженным и заинтригованным. Нет, не самим заданием. Оно его совершенно не удивило. Удивило другое: почему обергруппенфюрер ни словом не обмолвился, зачем понадобились Грейфе эти шестеро русских? В качестве кого он намеревается их использовать? На работе здесь, в рейхе? В этом нет ничего секретного. Собирается забросить их к русским в тыл? Это делалось уже неоднократно. И при этом, наоборот, всегда заранее конкретно указывалось, каких специалистов надо подбирать. А тут все в общих чертах, да еще с гарантией. Одно вполне устраивало начальника отдела IVB2 – за три недели можно будет подобрать не шестерых, а роту, и у каждого руки будут в крови по самые плечи. Но ручаться при этом Вольф никогда не стал бы ни за одного. На этот счет у него была своя четкая мера: предал раз – предаст и второй. А если этому надутому индюку Грейфе доверяют больше, чем ему, и он думает по-другому, то пусть он сам выбирает и гарантирует. Впрочем, обида обидой, а здравый смысл подсказывал другое. Уж если это задание перед ним поставил сам шеф РСХА, значит, кроется за ним что-то очень серьезное. И выполнить его

надо тоже так, чтобы обергруппенфюрер остался доволен. Поэтому Вольф не откладывая дело в долгий ящик от Кальтенбруннера направился прямо к Грейфе.

Надо сказать, что, хотя Вольф и считал Грейфе не в меру чванливым, в душе, как, впрочем, и многие другие эсэсовские чины, тайно завидовал тем, кто работал в VI управлении. Что бы ни говорили о важности и всех других служб, но разведка есть разведка. Даже такой закоренелый службист, как он, Вольф, видел в ней какую-то романтику и недоступный всем прочим шарм. Да и что уж тут говорить: люди Шелленберга работали в лайковых перчатках, ездили в мягких вагонах, от них пахло хорошими, дорогими сигаретами, импортным коньяком, они вращались в кругах и в обществе, куда живодерам и висельникам, подчиненным отделам Д или IVB2, вход был закрыт во все времена. Правда, когда кто-нибудь из этих вылощенных болтунов в конце концов попадал за колючую проволоку спецлагеря, костоломы отдела Д с особым рвением воздавали ему за его прошлую роскошную, как им всем казалось, жизнь. Но это было очень слабой компенсацией за разницу условий их служб. Ведь в застенках и бараках отдела Д заканчивали свой жизненный путь лишь очень немногие подчиненные бригаденфюрера Шелленберга.

– Коллега Грейфе, извините за то, что вынужден отрывать вас от ваших важных дел, но служба обязывает, – входя в кабинет Грейфе, обратился к нему Вольф. – Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – вставая из-за стола, ответил на приветствие Грейфе. – Мой дорогой! Всегда рад вас видеть!

– Я только что был у обергруппенфюрера и получил от него задание подобрать для вас группу русских. Но шеф так торопился, что не успел сказать мне ничего конкретного. Вот я и нагрянул к вам, – объяснил цель своего визита Вольф.

– И очень правильно сделали, дружище, – сразу сообразил, о чем идет речь, Грейфе. При этом не без удовольствия подумал: «Ну как же, времени у шефа не было. Рассказывай. И от меня ты тоже не многое узнаешь». – Но что же, так уж прямо сразу о делах? Работаем бок о бок, а видимся, можно сказать, раз в год! Нет, не угостить вас рюмкой доброго «Камю» я просто не имею права. Прошу вас, дорогой Вольф, располагайтесь за этим столом, полистайте журналы, их доставляют сюда со всего света, а я немедленно распоряжусь.

Вольф не стал отказываться от угощения и лишать себя удовольствия хоть немного побыть в столь приятной для него обстановке. Он уселся в мягкое кресло и взял в руки свежий номер «Лайфа». А Грейфе нажал кнопку звонка и вызвал адъютанта. И когда тот беззвучно, как привидение, появился в дверях, негромко сказал:

– Эгерт, откройте и принесите все то, что нам вчера доставили из Лиона.

Эгерт так же бесшумно удалился, а Грейфе подсел за столик к гостю.

– Работаем, работаем, и выпить чашечку кофе с хорошим человеком некогда, – потирая руки, с сожалением проговорил он. – У вас ведь и своих дел, я знаю, хватает через край. А тут еще чужие заботы...

– Что подделаешь. «Рес ностра агитур»¹ – говорили еще древние, – в тон хозяину ответил Вольф. – Так для чего вам понадобились эти русские? И какие?

– Для чего, дружище? Мне пока и самому не очень хорошо известно, – ушел от ответа Грейфе. – Но какими они должны быть – это я представляю себе достаточно четко. Простите, но я не знаю, что все же по этому поводу говорил вам обергруппенфюрер?

– Немногое. Очень немногое. В основном то, что они должны быть преданы фюреру и рейху, – коротко ответил Вольф.

– Конечно, это главное, – поспешно согласился Грейфе. – А подробности мы сейчас с вами определим точно.

¹ Когда дело касается нас (*лат.*).

В кабинет вошел Эгерт и прикатил изящный сервировочный столик на колесиках, на котором стояла уже открытая бутылка коньяка, широкие, с толстым дном бокалы, в небольшом блюде сливочное масло, открытая банка сардин, порезанная ломтиками консервированная ветчина, оливки, белый хлеб. Немного в стороне ото всего этого великолепия лежала нераскрытая пачка фирменных сигарет «Кэмел».

– Кофе – как прикажете, – сказал Эгерт.

– Спасибо, мой милый. Я позвоню, – разливая коньяк, кивнул адъютанту Грейфе. – Итак, за встречу!

– Хайль Гитлер! – поняв, что и Грейфе не собирается с ним откровенничать, поднял бокал Вольф.

– Хайль Гитлер, – охотно поддержал Грейфе.

Они выпили. И Вольф сразу же налег на закуску. Грейфе, дав ему возможность спокойно прожевать пару бутербродов, снова налил примерно на одну шестую коньяк в бокалы.

– И все же за встречу! – повторил он.

– За встречу! – согласился на сей раз Вольф.

А когда он поставил пустой бокал на стол и принялся за сардины, Грейфе, чтобы не терять времени, начал объяснять ему, каких русских он ждет от отдела IVB2.

– Было бы идеально, дружище, если бы отобранные вами кандидатуры были не старше тридцати пяти лет, – начал он. – Желательно – пообаятельнее. Вы же понимаете, что человеку с обаятельной внешностью всегда легче расположить к себе окружающих, чем какому-нибудь угрюмому, даже и очень опытному специалисту...

Вольф слушал его молча. Но, услышав об обаятельной внешности, невольно скривил губы. «Можно подумать, что в моем распоряжении салоны красоты, а не концлагеря и тюрьмы. Пообаятельней! Да каждому из них, прежде чем они выслужились до обыкновенных надсмотрщиков, не один раз прикладом чинили зубы! А до того, как они попали к нам, кем они были в большинстве своем у себя на родине? Уголовники! Рвань! Пообаятельнее!» – с издевкой подумал он. Но хозяину кивнул и понимающе пообещал:

– Найдем, коллега. Поищем и найдем.

Но Грейфе будто понял ход мыслей своего собеседника. Потому что уже в следующий момент несколько упростил задачу:

– Я понимаю, дорогой Вольф, что в вашем ведении не артистические клубы и не дома моделей, поэтому вполне возможно, что того, что нам нужно, вам найти и не удастся. Но тогда уж пусть ваши люди подберут таких, у которых не будет никаких видимых особых примет: шрамов, родимых пятен, вы понимаете, что я имею в виду.

– Отлично понимаю, коллега, – отпивая коньяк маленькими глоточками, кивнул Вольф. И добавил такое, что, по его мнению, должно было исключить всякую возможность Грейфе впоследствии жаловаться на него: – Мы найдем то, что вам нужно, коллега. Обергруппенфюрер будет доволен.

Грейфе благосклонно кивнул и на этот раз.

– Опыт работы показывает, что лучше всего и успешнее справляются с заданиями люди, имеющие определенный кругозор. И, естественно, образование. Ибо, как говорили древние: «Мене агитат молем»². Поэтому прошу обратить внимание и на эту сторону дела, – продолжал он.

– Обратим, – снова пообещал Вольф.

– Ну и последнее, – как можно приятнее улыбнулся Грейфе. – Пусть ваши люди не забудут указать в характеристиках все отрицательные качества и неподходящие для нас склонности кандидатов.

² Ум двигает массу (*лат.*).

– Укажем, – и тут не стал возражать Вольф. «Камю» делал свое дело. Сердитый настрой начальника отдела IVB2 сменился благодушием. Теперь он уже совершенно не обижался ни на Кальтенбруннера, ни на Грейфе за то, что они не посвятили его в свои замыслы. Сработало неоднократно выручавшее его в таких обстоятельствах правило: не знаю – не отвечаю. И в результате душевной успокоенности ему даже захотелось немного поговорить. И немного еще подстраховаться на всякий случай.

– Укажем, коллега, – заверил он Грейфе. – Этого напишем сколько угодно. Все они, на мой взгляд, пфеннига ржавого не стоят. Вы же знаете, коллега, как к ним относится наш мудрый фюрер? Как ни пытался попасть к нему на прием их генерал Власов, фюрер так и не принял его ни разу. И я уверен, коллега, что и не примет. Я не стал напоминать об этом обергруппенфюреру. Но с вами-то я могу поделиться своим мнением откровенно. Все они делают из-за страха перед нами, из-за боязни за собственную шкуру. Какое им дело до национал-социализма и до наших идеалов? Впрочем, коллега, я искренне желаю успеха вашему делу и все сделаю, что вам требуется, в лучшем виде.

– Другого и не ожидал, – довольно улыбнулся Грейфе. – Кофе, еще коньяк?

Вольф допил коньяк, взял предложенную хозяином кабинета сигарету, прикурил, откровенно признался:

– Разве от ваших яств откажешься, коллега? Кто еще в наше время угостит так, как вы?

– Эгерт, – вызвал адъютанта Грейфе. – Пожалуйста, кофе.

Глава 8

Замечания, высказанные Кальтенбруннером в адрес создателей фаустпатрона, насторожили Грейфе. Обергруппенфюрер вполне мог знать то, что ему, рядовому начальнику отдела, не узнать никогда. А дело спросят с него. И Грейфе решил сам побывать и в КБ у фаустников, и на испытательном полигоне. Получив все необходимые разрешения, оберштурмбаннфюрер выехал на полигон, справедливо рассудив, что при одном испытании увидит и поймет больше, чем на всех ватманах и кальках, вместе взятых.

Погода выдалась ясная. По небу плыли редкие белоснежные облачка. Но настроение у Грейфе было далеко не таким светлым, как этот теплый и солнечный осенний день. Выполняя операцию «Волжский вал», все три отделения «Цепелина», дислоцирующиеся в группах армий вермахта, забросили в глубокий советский тыл крупные агентурные группы. Одна из них была направлена на Север, в район Архангельска. Другая, состоящая из одиннадцати агентов, была послана в устье Печоры с задачей совершить ряд диверсий на Северо-Печорской железной дороге. Третья, руководимая белоэмигрантом Семеновым, – в Пермскую область. Четвертая – на Северный Кавказ. Пятая – на территорию Туркменистана, с задачей сорвать перевозки на линии Красноводск – Ташкент. И еще ряд групп: на Урал, в район Сталинграда, в Гурьевскую область. Прибыть в заданные районы удалось всем. Грейфе докладывал об этом Шелленбергу по мере получения от них сообщений. Бригаденфюрер был доволен. Потирал от удовольствия руки, шутил. Но прошло уже немало времени, а ни одно задание так и не было выполнено. И появились весьма обоснованные подозрения, что с заброшенными агентами вообще покончено. И это было уже совсем невесело. По этому поводу уже никто не шутил. А у Грейфе на душе и вовсе было сумрачно, как в глухое ненастье.

Однако настроение настроением, а удостовериться лично в том, как шла работа у фаустников, было совершенно необходимо. И Грейфе ехал...

Испытательный полигон находился километрах в пятидесяти от Берлина на восток, почти у самых Зееловских высот. Спрятанный среди поросших лесом холмов, он занимал удобную площадку с протяженностью директрисы в километр. Здесь испытывали новые образцы стрелкового оружия и боеприпасов к нему. О приезде Грейфе на полигоне знали. Его встретил возле контрольно-пропускного пункта начальник полигона майор Цирайс. Полный, если не сказать, тучный, в очках, с мясистым носом и дряблыми щеками, майор немало повидал на полигоне всякого начальства. Немало слышал и недовольных, сердитых порой реплик в адрес того или иного незадачливого изобретателя или конструктора. И давно уже привык к этому. И далеко не всякий раз спешил навстречу прибывшим визитерам. Но гестаповца из РСХА, а для Цирайса, который не очень-то разбирался в сложной структуре этой зловещей организации, все ее представители виделись именно гестаповцами, и никем больше – майор даже прождал на КПП полчаса.

И поскольку для него не было ни малейшего сомнения в том, что такому гостю можно показывать все, что он потребует и захочет, Цирайс сразу же спросил Грейфе:

– Что вы хотели бы увидеть, герр оберштурмбаннфюрер?

– А разве вас не предупредили? – в свою очередь спросил Грейфе.

– Так точно, герр оберштурмбаннфюрер, я получил точнейшие указания и по телефону, и письменно. Но, возможно, у вас появились какие-то новые пожелания? – предупредительно поинтересовался Цирайс.

– Нет. Меня интересует только работа над фаустпатроном, – ответил Грейфе. – Кстати, майор, каково ваше личное мнение по этому поводу?

– О, герр оберштурмбаннфюрер, я вам выскажу все, что я думаю об этой штуке, – охотно согласился Цирайс и, увидев, что Грейфе готов его слушать, сразу же перешел к делу. Но сна-

чала не упустил случая рассказать немного о себе. – Я работаю на этом полигоне, герр оберштурмбаннфюрер, с тридцать восьмого года. Меня прислали сюда как специалиста по автоматическому оружию. И вот уже второй год я отвечаю за качество испытаний на этом полигоне, герр оберштурмбаннфюрер. Фаустпатрон – это очень перспективная вещь. В борьбе с бронированной техникой кумулятивные заряды самые эффективные. Посудите сами, герр оберштурмбаннфюрер, сравнительно небольшой заряд взрывчатки килограмма два весом способен прожечь броню в двадцать и более сантиметров. Весь вопрос, герр оберштурмбаннфюрер, как этот заряд доставить до цели. Артиллерийский снаряд – это, конечно, хорошо. Но чтобы послать его в танк, нужна пушка. А ее, даже малого калибра, не всегда и не везде можно иметь...

Они шли по полигону в тот его сектор, из которого то и дело раздавалось какое-то странное шипение, будто кто-то невидимый стравливал из баллонов пар или воздух. Цирайс увлеченно рассказывал Грейфе о преимуществах кумулятивного эффекта.

– А создать фаустпатрон таким, чтобы его мог применить в бою любой пехотинец, пока что не удастся, – продолжал Цирайс. – А все дело в порохе, герр оберштурмбаннфюрер. Нужен порох с формулой горения, максимально приближенной к прогрессивной. Иначе не удастся получить устойчивой траектории полета снаряда...

Грейфе имел очень скудные познания в области внешней баллистики и уж совсем ничего не понимал в баллистике внутренней. Зато он отлично запомнил слова шефа РСХА: «...пока что у них огонь из трубы назад летит дальше, чем сам снаряд». Все это было понятно.

– Н-да, – многозначительно изрек начальник восточного отдела. – Война, недостаток сырья... колоссальная загруженность химической промышленности... н-да...

– Совершенно верно, герр оберштурмбаннфюрер, – согласился Цирайс. А про себя подумал: «Если бы вы пихали за колючую проволоку не всех евреев подряд, тогда бы эта самая химическая промышленность поворачивалась куда бы побыстрее...»

Они подошли к небольшому бетонному сооружению, похожему и на капонир, и на дот, и на блиндаж сразу. И зашли с тыловой части внутрь его. В небольшой комнате с бетонными стенами работало несколько человек, военных и штатских. Увидев вошедших, работу прекратили. И один из них, высокий штатский с седеющими волосами, подошел к Грейфе. Представился как главный инженер проекта и сообщил о том, что он предупрежден о визите гостя из Главного управления имперской безопасности.

– Вы очень удачно приехали, герр оберштурмбаннфюрер. Сегодня мы будем испытывать очередной промежуточный образец фаустпатрона, – сообщил он. – Мы только что отстреляли оставшиеся экземпляры от предыдущей партии.

– Это они шипели, как драконы? – припомнив слышанный шум, спросил Грейфе.

– Они, герр оберштурмбаннфюрер.

– А каковы результаты?

– Пойдемте посмотрим, – предложил главный инженер.

Они вышли из бетонного сооружения и в сопровождении Цирайса проследовали на площадку, на которой была вырыта в рост человека траншея и стояло несколько стальных щитов различной толщины и высоты. Перед каждым из них трава была выжжена, а земля исполосована обугленными шрамами. Все стальные мишени были целехонькими. И только та из них, которая стояла к траншее ближе всех, была прожжена насквозь в нескольких местах.

Грейфе в первую очередь очень тщательно осмотрел эту мишень. Толщина ее была миллиметров шестьдесят-семьдесят. От траншеи, из которой велась стрельба, она отстояла шагов на восемь. Отверстия, проделанные в ней газовыми струями зарядов, были не шире горлышка от бутылки.

– Обратите внимание, герр оберштурмбаннфюрер, на дистанцию стрельбы, – подсказал Цирайс.

– Вижу, – недовольно скривился Грейфе.

– Думаю, что сегодня результаты уже будут несколько иными, – пообещал главный инженер.

– Я давно это слышу, – заметил Цирайс.

– Да, но несколько месяцев тому назад мы не могли добиться и этого, – оправдывался главный инженер.

– Новое всегда дается с трудом, – примирительно сказал Грейфе. – Однако нельзя ли посмотреть на эти самые фаусты?

– Пожалуйста. Они там, – кивнул главный инженер на бетонное укрытие.

Все трое снова вернулись в каземат и прошли в соседнюю комнату с той, в которой Грейфе уже был. Здесь стояли длинные столы, на которых лежали разных размеров трубы с укрепленными на них прицельными приспособлениями и рукоятками, как у пистолетов. На отдельном столе у стенки лежали разных форм металлические булавы. И то и другое было довольно внушительных размеров. Грейфе это явно не понравилось. Спрятать такое оружие от постороннего взгляда нечего было и думать.

– То, что вы видите, герр оберштурмбаннфюрер, и есть в разобранном виде опытные образцы создаваемого нами ручного противотанкового динамореактивного оружия ближнего боя. Или, проще говоря, гранатомета одноразового действия для поражения танков и других бронированных целей, – объяснил главный инженер. Сказав это, он взял со стола одну из труб и продолжал: – Эта открытая с обоих концов труба – не что иное, как ствол, из которого и производится пуск реактивного снаряда и на котором монтируются прицельная планка и стреляющий механизм. Вы, очевидно, обратили внимание, герр оберштурмбаннфюрер, на то, что все они разных диаметров и длины. Идет поиск оптимального варианта: по весу, прочности, размерам.

Он не только объяснял, но и показывал, как нужно пользоваться новым оружием. Потом он подошел к столу, на котором лежали булавы.

– А это реактивные гранаты кумулятивного действия. И они тоже разные. И среди них тоже пока еще нет окончательного образца, который удовлетворил бы нас, – продолжал объяснения главный инженер.

– Еще недавно наши заряды отскакивали от брони. Потом они стали крошиться при ударе об нее. Из-за этого происходило их неполное сгорание. Эффект бронепрожигания оказывался весьма слабым. Теперь они уже надежно прожигают броневую плиту толщиной в шестьдесят пять миллиметров. Вы сами видели это, герр оберштурмбаннфюрер. Но этого крайне недостаточно. Мы непременно стараемся добиться, чтобы при общем весе в два с половиной – три килограмма наша надкалиберная кумулятивная граната прожигала броню не менее трехсот миллиметров. То есть фактически поражала любой русский танк.

– Интересно, когда у вас это получится, герр Пфлюкер? – не без ехидства спросил Цирайс.

«Вопрос очень кстати», – про себя думал Грейфе.

– Не стоит нас подталкивать и заставлять спешить, герр майор. Мы работаем по плану, утвержденному высоким начальством, – спокойно ответил главный инженер. – Если же у вас есть основания подозревать нас в том, что мы напрасно теряем время, сообщите об этом куда следует.

Толстый Цирайс явно не ожидал такой реакции.

– Это совсем не праздный вопрос, герр Пфлюкер, – заискивающе глядя на гестаповца, поспешил он заглазить допущенную нетактичность. – Я патриот и всеми силами хочу, чтобы моя страна поскорее победила. А ваше оружие очень может помочь доблестным солдатам фюрера.

«Черт бы вас побрал с вашим верноподданничеством», – снова подумал Грейфе и спросил:

– Действительно, герр Пфлюкер, есть же у вас какие-нибудь прикидки на этот счет?

– Конечно, есть, герр оберштурмбаннфюрер. Но давайте лучше посмотрим, что покажет новый образец, – предложил главный инженер.

– Давайте, – сразу согласился Грейфе.

Пфлюкер вышел в соседнюю комнату, отдал там какие-то распоряжения, а когда вернулся к гостю, спросил:

– Вы хотели бы все видеть из бункера или из траншеи?

– Что за вздор, Пфлюкер? Зачем оберштурмбаннфюреру лазить по вашим траншеям? Конечно, он все прекрасно увидит из бункера, – поспешил за Грейфе ответить Цирайс. Но Грейфе решил иначе. Он знал, что такое усердие, как наблюдение за испытанием прямо с огневой позиции, непременно будет известно обергруппенфюреру и обязательно вызовет у него одобрение. Так зачем же ему было лишаться, не говоря уж о добром слове, хотя бы одобряющего взгляда? И он спросил:

– Вы сами-то, Пфлюкер, откуда наблюдаете?

– Естественно, из траншеи, герр оберштурмбаннфюрер, – победоносно взглянув на Цирайса, ответил главный инженер.

– Ну вот и посмотрим вместе, – решил спор Грейфе.

Пришлось и Цирайсу следовать за ними наружу, в траншею, в которой уже изготавливалась к стрельбе команда. Конечно, их троица расположилась совсем не рядом с испытателями. И что бы ни случилось с этим фаустом, никого из них не задело бы и осколком. Но все же они стояли не за бетонной стеной.

– Первый выстрел будет произведен по самому ближнему щиту, – сказал Пфлюкер. И в тот же момент из трубы-ствола, лежащего на правом плече стреляющего, за спиной у него, вырвался длинный-предлинный язык пламени. Над полигоном раздалось все заглушающее шипение. А по направлению к броневому щиту устремилась булава, и все мгновенно утонуло в грохоте ее разрыва.

– Неплохо, – довольно сказал Пфлюкер.

В ушах у Грейфе звенело, и он подумал, что, пожалуй, этот толстый Цирайс был прав, когда возражал против того, чтобы они уходили из бункера. Но он тоже одобрительно закивал, выражая тем самым свое согласие с главным инженером.

Второй выстрел был сделан по щиту, удаленному от траншеи на двенадцать метров. Булава, которую Пфлюкер назвал гранатой, прожгла его у самой земли. Это хорошо было видно не только в бинокли, но и невооруженным глазом. Пфлюкер нахмурился и быстро пошел по траншее к стреляющему. Они о чем-то коротко поговорили. Но Грейфе не расслышал ни слова. Уши у него после второго выстрела окончательно заложило. Потом Пфлюкер вернулся на свое место.

– Что случилось? – спросил Цирайс.

– Во-первых, мы уже взяли рубеж двенадцати метров! – поднял палец над головой Пфлюкер.

– Поздравляю, герр Пфлюкер, – слащаво улыбнулся Цирайс. – Но что случилось?

– Ничего. Я увеличил прицел.

В третий раз длинный шлейф пламени очернил траву сзади стреляющего. Но граната на сей раз не долетела до цели. Ткнулась в землю перед самым щитом и обуглила ее. Пфлюкер болезненно поморщился и снова теперь уже побежал к стреляющему. На этот раз они разговаривали гораздо дольше. И в конце концов ствол-трубу укрепили на специальной подставке. После этого испытатели-солдаты ушли в укрытие, а Пфлюкер попросил Грейфе и Цирайса отойти еще метров на пятьдесят.

– Что вы предприняли теперь? – опять спросил Цирайс. – И почему убрали стрелка?

– Значительно увеличил вышибной заряд, – объяснил Пфлюкер.

– А прицел?

– Установил первоначальный.

Пфлюкер подал знак рукой. Его команду тотчас выполнили. В укрытии что-то нажали или дернули, или потянули. Но эффект от этого получился совершенно неожиданным. Подставка вся вдруг окуталась огненным облаком разрыва. А граната вылетела всего метра на полтора и тоже взорвалась.

– Вот так! – многозначительно вякнул Цирайс.

– К сожалению, так, – согласился Пфлюкер. – Вышибной заряд оказался слишком велик. Но двенадцать метров уже наши. А это ровно вдвое больше, чем было на прошлых испытаниях. Я считаю – это успех.

«Особенно последний выстрел, – подумал Грейфе. – Пожалуй, обергруппенфюрер был прав. Они доведут эту штуку до кондиции, когда русские, о, мой бог, упрутся своими танками в окружную берлинскую автомагистраль».

– А неужели нельзя сделать ствол прочнее, герр Пфлюкер? – спросил он.

– Конечно, можно, герр оберштурмбаннфюрер. Но это непременно повлечет за собой увеличение веса всей системы. А это уже будет вопреки всем нашим расчетам, – ответил Пфлюкер. – Нет, герр оберштурмбаннфюрер, тут надо что-то другое.

– Все дело в порохах. Вы все время возитесь с пироксилиновыми. А я вам давно уже советую испытать баллистные, – заметил Цирайс.

– Возможно, герр майор, вы и правы, – не стал спорить Пфлюкер. – Но надо сначала до конца испробовать все комбинации с пироксилиновыми порохами.

В порохах Грейфе не понимал ни бельмеса. И на каком из них в конце концов остановятся изобретатели, ему было совершенно безразлично. Но этот похожий на молнию сноп огня, вылетающий за спиной у стрелка, его совершенно обескуражил. Он абсолютно не мог себе представить, как же тогда стрелять этой гранатой из кармана или из рукава? «Сторишь же, к черту, еще во время тренировок!» Мысль эта так взволновала его, что он спросил:

– А что, герр Пфлюкер, этот огненный шлейф, он так всегда будет вылетать из трубы?

– Боюсь, что да, герр оберштурмбаннфюрер. Ведь надо же куда-то деваться энергии отдачи? – ответил Пфлюкер. Энергия отдачи тоже мало волновала Грейфе. «Как же они тогда обещали нам сделать для нас то, что нам нужно? Или они ни дьявола не поняли, что это такое должно быть? – в растерянности думал он. – Нет, я обо всем доложу обергруппенфюреру! И пусть он сам спросит у этих умников, что они имели в виду под этим самым “панцеркнакке”?»

– А на какое же расстояние, герр Пфлюкер, по вашим расчетам, должна бить эта штука? – спросил он.

– Мы считаем, что не меньше, чем на тридцать метров, – ответил главный инженер.

– Но ведь этим пока даже не пахнет, – не скрывая своего разочарования, заметил Грейфе.

– Да, но совсем недавно у нас вообще ничего не было, – резонно ответил Пфлюкер.

– Н-да, – вздохнул Грейфе, снова подумав: «Совсем недавно не очень-то она нам и была нужна».

В Берлин Грейфе вернулся совсем удрученным и озабоченным.

Глава 9

– Слышали сводку? – заходя в кабинет Круклиса, еще с порога спросил Доронин.
– Еще бы! Такие новости! Столица Украины! Красавец Киев! Лучшего подарка к 26-й годовщине Октября и не придумаешь, – довольно ответил Круклис.

– Просто молодцы, – высказал похвалу в адрес воинов-освободителей Доронин.

– Они-то да. А мы? – лукаво улыбнулся Круклис.

– Несравнимо слабее, но кое-что тоже есть, товарищ полковник, – ответил Доронин. – Разрешите начать с фотографий?

– С чего хотите, – согласился Круклис, вытаскивая из стола свое неперемное в таких случаях увеличительное стекло.

Доронин разложил перед полковником фотографии.

– По данным экспертизы, товарищ полковник, все снимки сделаны еще до войны – не раньше, чем в тридцать девятом году. Снимали из фотоаппарата с очень маленьким объективом. Вероятно, какая-нибудь подделка под зажигалку или под портсигар, или что-либо подобное. Это доказывается тем, что часть снимков – монтированные, – начал доклад Доронин. – Объекты фотографирования просто не умещались в одном кадре.

Доронин докладывал, а Круклис вновь, с еще большим вниманием, разглядывал снимки через увеличительное стекло.

– Я заметил это еще в прошлый раз, – сказал он. – Конечно, развехватишь в один кадр новые корпуса завода «ЗиС»? Или даже Крымский мост? А монтаж получился неплохой...

– Обратите внимание вот на эту серию, я бы так выразился, – подсказал Доронин.

Круклис просмотрел. На снимках были какие-то неизвестные ему дома, две подворотни, витрина магазина.

– Я их уже видел. Но не очень пока понял, для чего их фотографировали, – признался он. – Может, вы догадались? Может, тут главное не дома, а люди?

– У нас пока тоже ясности нет. Но мы склонны думать, что снимались все же именно дома. А вот с какой целью? – вопросом ответил Доронин.

– Явки? Места встреч? Тайники? – высказал предположение Круклис.

– Все может быть, – согласился Доронин. – Но ведь надо знать точно.

– Хорошо. Время есть – подумаем. Что дальше? – спросил Круклис.

– Дальше я бы хотел доложить о жильцах. Тут нам повезло больше...

– Еще бы! Тут к вашим услугам и соседи, и милиция, и паспортный стол. Так в чем же нам повезло?

– В квартире, начиная с тысяча девятьсот двадцать пятого года до того самого момента, как в нее вселилась Баранова, проживала семья Мартыновых: муж, жена и двое детей, – объяснил Доронин. – Глава семьи – Мартынов Тимофей Петрович, умер от воспаления легких в тридцать третьем году. Его супруга, Мартынова Глафира Ермолаевна, умерла от язвы желудка в тридцать шестом. Обе их дочери, Анна Тимофеевна и Любовь Тимофеевна, вышли замуж и уехали из Москвы. Анна – в тридцать седьмом в Новосибирск, где проживает с семьей до сих пор. Любовь вышла замуж за военного и уехала с ним в марте сорокового года в Бобруйск. Сведений о ней нет. В отделении милиции так характеризовали Мартыновых: семья простая, рабочая. Никто из семьи никогда ни в какой деятельности, направленной против советской власти, замешан не был.

– Это хорошо, – после некоторого раздумья сказал Круклис. – Каковы же выводы?

– Ни Мартыновы-старшие, ни их дочь Анна никакого отношения к снимкам не имеют, так как последние сделаны уже после того, как эти трое жили в Москве. Это первое, – загнул один палец Доронин.

– Продолжайте, – кивнул Круклис.

– Второе. Мы взяли данные на мужа Мартыновой-младшей в Киевском районном загсе и запросили на их основании Главное управление кадров Наркомата обороны подтвердить его личность. А заодно и место его службы в настоящее время. Однако ответа пока не получили. Что касается данных последней ответственной квартиросъемщицы – Барановой Марии Кирилловны, товарищ полковник, то тут мы неожиданно попали в тупик. В сведениях, имеющихся в домовой книге, говорится, что она родилась в Киеве в 1902 году. Но Киев только вчера освободили. И найдем ли мы там подтверждение этого факта позднее, тоже неизвестно. Вполне возможно, что все архивы киевских загсов погибли. Тогда мы навели о ней справки в подмосковном поселке Томилино, откуда она согласно записи в домовой книге переехала в Москву в сентябре сорокового года. Оказалось, что в Томилино Баранова перебралась в тысяча девятьсот тридцать пятом году из Детского Села – ныне Пушкин, под Ленинградом. Но город Пушкин оккупирован. И проследить путь Барановой до тридцать пятого года мы пока тоже не в состоянии. Не удалось на данный момент установить и то, была ли она замужем. И в Москве, и в Томилине она проживала одна. Народу к ней ходило много. Но ведь она, как врач, занималась частной практикой на дому. Вполне возможно, что это были ее пациенты. А про друзей и знакомых – никто ничего не знает. Единственным человеком, который мог бы пролить некоторый свет на это дело, был, как ни странно, дворник дома в Москве, в котором проживала Баранова. Почему-то именно ему она сообщала некоторые сведения о себе. Он сейчас на фронте. Но уже вызвал его. Хотя, конечно, наши сотрудники могли бы получить необходимые сведения у него прямо там, на месте. Но мало ли еще какие вопросы возникнут по ходу дела?..

– Вызвали и правильно сделали, – одобрил действия своего заместителя Круклис. – А где эта дама получала паспорт?

– По сведениям той же томилинской домовой книги – в Детском Селе в тридцать втором году, когда проводилась общая паспортизация.

– В Детское Село, то бишь в Пушкин, нам, вы правы, пока не попасть, – согласился Круклис. – Но давайте начнем с того, что поверим Барановой. Она пишет: родилась в Киеве. Вот туда и поедem. И вы зря настроены так пессимистически, – покачал он головой. – Что-то там погибло – это совершенно определено. А что-то, вполне возможно, и сохранилось. Так что побывать в Киеве просто необходимо. Давайте-ка пошлем туда Петренко. Он город знает, ему легче будет там во всем разобраться. Только проинструктируйте его хорошенько.

– Понял, товарищ полковник, – ответил Доронин.

Глава 10

Отдел IVB2 сработал оперативно. Уже через три дня после встречи с Грейфе начальникам ряда тюрем, концлагерей и некоторых их филиалов был направлен разработанный Вольфом циркуляр, согласно которому требовалось в недельный срок представить в отдел списки с фотографиями на трех-четырех русских, добровольно изъявивших желание служить рейху. Далее указывалось, какими качествами эти русские должны обладать и что следует сообщать в характеристиках, составленных на них. Непременным и обязательным условием отбора было полное исключение для отобранных возможности быть помилованным у себя на родине.

Прошло еще три дня, и хотя до указанного в циркуляре срока времени еще оставалось достаточно, Вольфа неожиданно вызвал к себе начальник, бригаденфюрер Мюллер. И безо всяких предисловий спросил:

– Как идет подбор русских по заданию шефа, Вольф?

Начальник отдела IVB2 сразу сообразил, что Кальтенбруннер продублировал свое указание. И хотя это еще раз укололо его самолюбие, он доложил начальнику гестапо так, будто выполняет задание не шефа РСХА, а непосредственно его, Мюллера.

– Согласно разсланному нами циркуляру через три дня списки отобранных русских с подробными характеристиками на них будут доложены вам, бригаденфюрер.

– Хорошо, Вольф, – одобрил Мюллер. – Но предварительно проштудируйте их сами. И наметьте наиболее подходящих.

– Но я не знаю, для какой цели их подбирать, бригаденфюрер, – признался Вольф.

– Это неважно, Вольф. Выбирайте лучших по всем показателям, – не стал объяснять Мюллер того, что и ему самому тоже не сказали, зачем конкретно управлению Шелленберга понадобились русские.

Когда списки, фотографии и характеристики поступили в отдел, Вольф так и сделал. Каждый пункт требований, которые предъявлялись к тем, кого отбирали, он тарифицировал в десять баллов. А уж потом, исходя из этой общей суммы, конкретно оценивал каждого отбранного. В итоге нетрудно было определить того, кто набрал баллов больше других. В зачет шло все: провокации, доносы, именуемые в характеристиках «информацией», личное участие в допросах, пытки заключенных и, наконец, приведение в исполнение приговоров. По десятибалльной системе Вольф оценивал также чины и награды представленных ему для отбора. Хотел было сюда приплюсовать и баллы, выставленные им на фотографиях. Но неожиданно задумался: а правильно ли это будет? И очень скоро решил, что именно этого-то делать не следует. Потому что три балла за фотографию легко сводили на нет все остальные показатели, будь они даже рекордными. Вольф четко помнил просьбу Грейфе: «желательно пообаятельней». И сейчас детально разглядывал фотографии. Нельзя сказать, что на них были изображены какие-нибудь уроды или сказочные злодеи. Ничего подобного. Люди как люди. Если не считать того, что у каждого из них во взгляде была какая-то настороженность и затаенность. Одним словом, когда Вольф закончил отбор, из двадцати восьми дел остались лишь шесть. Он отложил их в отдельную папку и понес показывать Мюллеру.

– Ну что ж, не знаю уж, чего от них хочет этот Грейфе, а на мой взгляд, любого из них можно посылать хоть черту в зубы, – просмотрев дела, одобрительно сказал шеф гестапо.

– Может, еще построже посмотреть? Парочку отложить в сторону? – спросил Вольф.

Мюллер решительно махнул пальцем.

– Зачем? Наоборот, еще парочку добавьте. Окончательное слово за управлением Шелленберга. Пусть они его и произнесут, – сказал он.

– А нам не стоит, бригаденфюрер, предварительно самим взглянуть на этих людей? – спросил Вольф предусмотрительно.

– Думаю, что нет, – ответил Мюллер. – Другое дело, следует предупредить комендантов и начальников лагерей, чтобы они проявили о них определенную заботу. Дали им возможность отдохнуть, не посылали на задания, подкормили... Позвоните прямо по телефону. А вернутся к ним дела, пусть снова впрягают их в работу.

– Будет сделано, бригаденфюрер, – слегка поклонился Вольф. – Вы сами доложите шефу дела отобранных русских?

Мюллер вопросительно взглянул на начальника отдела IVB2.

– С какой стати?

– Он же лично давал вам задание, – напомнил Вольф.

– Правильно. Сказал, чтобы я проконтролировал, – согласился Мюллер. – А доклады-вать? А вам не пришло в голову, что шеф просто может не принять от меня такой доклад?

– Почему? – искренне удивился Вольф.

– Да потому, Вольф, что дело, которое они задумали, наверняка какое-нибудь щекотливое. И поручено оно конкретно Грейфе. Стало быть, он за него и отвечает целиком. В том числе, разумеется, и за подбор исполнителей. А что же получится, если этих исполнителей ему, как говорится, вручит шеф? Так что передайте Грейфе эти досье сами, Вольф. Добавьте еще парочку и передайте. А я, естественно, доложу шефу, что его задание выполнено. И еще вот что, Вольф. Мне стало известно, что вы не очень хорошо отзывались об этих русских. Зачем вам это надо?

– Я сказал то, что я о них думаю, бригаденфюрер, – сразу насупившись, ответил начальник отдела IVB2.

– Да нет, вас за это не ругали, – поспешил успокоить его Мюллер. – Больше того, я с вами абсолютно согласен. Делать из врагов друзей, на мой взгляд, тоже пустая затея. Но раз начальству это нравится, зачем нам разуверять его в этом? Тем более что в их делах сам черт не разберется. Я говорю вам все это, Вольф, потому что ценю и уважаю вас как мужественного и честного солдата. Вы поняли меня?

– Спасибо, бригаденфюрер. Я все учту, – щелкнул каблуками Вольф.

– Ну и выше голову. Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – ответил Вольф, быстро собрал со стола досье и вышел из кабинета.

«Шеф, конечно, как всегда, во всем прав. Действительно, кто тянул меня за язык с этим дурацким откровенничаньем? – думал он по дороге в свой отдел. – Фюрера приплел! Фюрер не принимает! Мое-то какое дело? Сегодня не принимает, завтра примет. Армию-то они этому Власову создавать не препятствуют? И даже наоборот. По всем лагерям разъезжают представители этого Власова и всюду агитируют военнопленных русских вступать в ряды РОА! Другое дело, что не очень-то кто на эту агитацию поддается...»

Он добавил к тем делам, которые у него были, еще два, как советовал Мюллер, и поспешил к Грейфе. Оберштурмбаннфюрер принял его тотчас. Вольф вошел в кабинет Грейфе и был приятно удивлен тем, что там уже был один гость. Из кресла, в котором во время его последнего визита к Грейфе сидел и распивал «Камю» и кофе он сам, навстречу ему поднялся высокий, широкоплечий штурмбаннфюрер. Это был Отто Скорцени – любимец шефа РСХА, рейхсфюрера и самого фюрера. За выполнение особо важных государственных заданий Скорцени был награжден высшими орденами рейха. Встретиться со Скорцени, пожать его руку и поговорить с ним считали за честь люди и в более высоких чинах, чем Вольф. Поэтому и Вольфу было приятно переброситься сейчас парой слов с этим человеком. А удивило начальника отдела IVB2 то, что именно Скорцени – этот известный всему рейху и даже за его пределами чистой воды террорист, – а не кто-нибудь другой, присутствовал в кабинете у начальника отдела восточной разведки. Конечно, в РСХА, и в том числе в управлении Шелленберга, все давно уже переплелось и перемешалось. А столь резкий поворот в ходе войны эту мешанину усиливал еще больше. И все же, очевидно по привычке, хотелось думать, что разведка – это

разведка. Но Скорцени был тоже Скорцени. И у Вольфа сразу родилась догадка о том, что отобранных им русских, по всей вероятности, собираются использовать совсем не как глаза и уши вермахта и рейха.

– Хайль Гитлер! – энергично поднял руку перед носом Скорцени Вольф.

– Хайль Гитлер! – ответил Скорцени. – Рад вас видеть живым и здоровым, штурмбаннфюрер.

– Я тем более, дорогой Отто. Мы не виделись почти год, – ответил Вольф.

– Ничего удивительного. Работы у всех по горло. Не только знакомых, себя перестаешь замечать, – усмехнулся Скорцени.

Тут Вольф обменялся рукопожатием с Грейфе и, вопросительно посмотрев на него, спросил:

– Я не помешал?

– Напротив, дружище, – как всегда, в улыбке расплылся Грейфе. – Целый ряд вопросов мы будем решать все вместе. А вы, я вижу, уже готовы в бой.

– Да. За нашим отделом дело не стало. Мы постарались исполнить все, что было в наших силах, – ответил Вольф и положил на стол хозяина кабинета вместительную кожаную папку с досье на русских. – Тут их восемь.

– Отлично, – довольно потирая руки в манере своего начальника, подошел к столу Грейфе. – Уверен, дорогой Вольф, что после вашего отбора мы можем работать с любым из них.

«Отобрали бы и поточнее, если б я знал, зачем они вам нужны», – подумал Вольф. А оберштурмбаннфюреру Грейфе ответил:

– Конечно, есть еще несколько кандидатов и в резерве. Но эти наиболее подходящие по всем статьям.

Грейфе раскрыл папку, достал досье и начал раскладывать их на столе.

– Сейчас посмотрим... Сейчас посмотрим, – повторил он несколько раз при этом.

К столу подошел Скорцени. Взял первое попавшее досье наугад и раскрыл его.

– С этого и начнем, – одобрил выбор Грейфе.

– Назаров. Матвей Федорович. Тысяча девятьсот первого года рождения, – начал читать Скорцени. – Родился в деревне Прилуки Калужской области. В двадцать восьмом году был раскулачен и за вооруженное сопротивление, оказанное властям, был осужден судом и приговорен к десяти годам лишения свободы. За попытку к бегству получил еще два года. Из заключения вернулся перед самой войной, в апреле сорок первого. В октябре того же года явился в комендатуру города Сухиничи и добровольно изъявил желание сотрудничать с немецкими властями. В доказательство своей верности новому порядку передал коменданту списки и адреса лично известных ему коммунистов и активистов советской власти. Впоследствии помогал комендатуре арестовывать и ликвидировать лиц, указанных в списке. В конце сорок первого года за активное пособничество оккупационным властям при обезвреживании других врагов рейха получил чин унтер-офицера и был зачислен в штат фельдполицей. За время службы неоднократно отмечался командованием за усердие и исполнительность.

Скорцени читал долго. А Грейфе слушал и рассматривал фотографию Назарова. Скуластое лицо. Глубоко посаженные глаза. Широкий нос. Нависшая надо лбом челка...

– К слабым сторонам характеризуемого следует отнести, – продолжал Скорцени, – его малограмотность, отсюда неспособность к умственной работе, жадность к деньгам и спиртному.

«Туп и мрачен, – сделал профессионально четкий вывод Грейфе. – Вполне возможно, что для отдела Д это сушая находка. Для нас же не подойдет и близко».

Фотографию Назарова взял Скорцени.

– Что скажете, дорогой Отто? – дав время штурмбаннфюреру разглядеть унтер-офицера, спросил Грейфе.

В ответ Скорцени неопределенно пожал плечами.

– Мне никогда не приходилось иметь с такими личностями дело, – признался он. – То, что он русский и это ни у кого не вызовет ни малейшего сомнения, наверное, хорошо. Но все остальное...

– Какие же требования, дорогой Отто, вы предъявляете к своим людям? – спросил Вольф. Скорцени ответил без задержки.

– В основном три: преданность фюреру, смелость, граничащая с дерзостью, и смекалка.

– Прекрасный ответ. Я так и думал, – одобрительно кивнул Вольф. – Смелость и смекалка.

– Да, смекалка и изворотливость, – подтвердил Скорцени. – Ситуация, в которой приходится действовать моим людям, порой меняется так неожиданно и резко, что предусмотреть все заранее совершенно невозможно. Решение приходится принимать самому, немедленно и смело. И тут очень важно не ошибиться. Ибо для нас ошибка – это не только невыполненное задание, но и практически всегда смерть. А жить, коллега, мои люди так же хотят, как и все.

– Естественно, дорогой Отто. Жить хотят все, – со знанием дела подтвердил Вольф. И добавил: – Хотя все люди разные и задачи выполняют тоже разные.

– Ну, я думаю, этого кандидата мы отложим до более крайней нужды, – повернул разговор на практическую основу Грейфе. И взглянул на Скорцени. – Или как?

– Давайте посмотрим других, – согласился штурмбаннфюрер и раскрыл следующее досье.

Он опять начал читать характеристику, а Грейфе снова взял в руки фотографию.

– Зюзин... Анатолий Дмитриевич... двенадцатого года рождения... Ставропольского края... родители репрессированы в тридцать седьмом году за активное участие в белоказацком контрреволюционном движении в годы Гражданской войны... рядовой красноармеец... добровольно сдался в плен в сорок первом году... в лагере военнопленных в Виннице был завербован абвером... Однако из-за болезни (постоянно разговаривал во сне) из подразделения абвера был отчислен и переведен в охранные войска... в настоящее время имеет чин шарфюрера... Зарекомендовал себя как мастер по допросам своих соотечественников, как мужчин, так и женщин... Особенно изобретателен в добывании сведений при допросах евреев...

– Он что, до сих пор продолжает разговаривать во сне? – неожиданно спросил Грейфе.

Скорцени перевернул страницу, но не нашел ответа на вопрос хозяина кабинета и взглянул на Вольфа.

– Там есть, есть сведения, – ответил Вольф и указал пальцем на приписку в конце текста. – К сожалению, самому ему избавиться от этого порока не удалось. А мы не имеем возможности серьезно лечить людей этой категории.

– Нам он точно не подойдет. Хотя внешность у него вполне привлекательная, – сказал Грейфе и протянул Скорцени фотографию. Штурмбаннфюрер взял ее в руку больше из уважения к хозяину кабинета, чем из любопытства. Блондин, с мягкими чертами лица, с выразительным взглядом чуть раскосых глаз, у него тоже не вызвал симпатии.

– Завалит себя в первую же ночь. Я таких знаю. У некоторых бывало от чрезмерного перенапряжения нервов. Помню, как-то во время операции одного такого даже пришлось убрать самим, – сказал Скорцени. – В интересах дела иногда приходится прибегать и к таким мерам.

Скорцени вложил фотографию специалиста по допросам в досье, положил его на папку первого отвергнутого ими кандидата и взял новое дело. Открыл его и снова начал читать:

– Шило Петр Иванович... девятьсот девятого года рождения... Черниговская область... в тридцать втором году осужден за растрату денег. Но наказания избежал благодаря тому, что бежал из-под стражи... находясь на нелегальном положении, дважды менял свою фамилию,

став сначала Гавриным, а затем Серковым... в тридцать пятом году, не будучи опознанным, был арестован за новое уголовное преступление, снова осужден к длительному сроку заключения и снова бежал... в сорок первом году призван в Красную армию... воевал против группы армий «Север»... в мае сорок второго года добровольно перешел на нашу сторону и изъявил желание воевать с большевиками...

Грейфе тем временем внимательно разглядывал фотографию Шило – Гаврина – Серкова.

– Вот эта кандидатура мне кажется любопытной: дважды бежал, умело конспирировался, добровольно сдался в плен, – не без удовольствия перечислял «заслуги» перебежчика Грейфе.

– Это еще не все, – заметил Вольф, довольный тем, что хоть одна кандидатура понравилась разведчику.

– Да, тут еще данных целая страница, – подтвердил Скорцени.

– И внешность вполне приятная, – продолжал Грейфе. – Ну а что там еще о нем сказано?

– Проверялся тщательно гестапо, – продолжал Скорцени. – Под псевдонимом Политов работал по заданию гестапо в ряде лагерей, а также в венской тюрьме... к положительным качествам Политова можно отнести: ненависть к советскому строю, хитрость, изворотливость, умение быстро ориентироваться в любой обстановке... к отрицательным – любовь к деньгам...

– Ну что ж, – еще раз взглянув на карточку Политова, подвел итог Грейфе. – Этого кандидата, я думаю, следует изучить более внимательно.

Из восьми кандидатур, предложенных Вольфом, Грейфе и Скорцени отобрали трех.

– Когда же можно будет познакомиться с ними лично? – спросил Грейфе.

– Да хоть завтра, – не раздумывая ответил Вольф.

Но Грейфе задумался.

– Тогда давайте послезавтра, – окончательно решил он и пояснил свою мысль: – Возможно, на дела захочет взглянуть также мой шеф.

– Как вам будет удобней, – не стал возражать Вольф. Попрошлся, вскинул руку в традиционном приветствии и ушел.

– Пожалуй, оберштурмбаннфюрер, и я продолжу свои дела, – сказал Скорцени.

– Конечно, дорогой Отто. Желаю вам успехов. Но послезавтра в это время снова прошу сюда, – напомнил Грейфе.

– Хайль Гитлер! – щелкнул каблуками Скорцени.

– Хайль Гитлер! – ответил Грейфе.

Оставшись один, начальник восточного отдела еще раз внимательно просмотрел отобранные им досье. Особых претензий к тем, кого они характеризовали, у него не было. Да он не очень и придирался: знал, а точнее сказать, представлял, с кем имеют дело подчиненные Вольфу начальники и коменданты лагерей и тюрем. Поэтому, сложив досье в отдельную папку с надписью «На доклад», вызвал к себе одного из подчиненных. А когда тот явился, спросил:

– Из Москвы от нашего «двадцать второго» ничего больше не поступало?

– Ничего нового, оберштурмбаннфюрер. Только то, что квартира с тайником подверглась ограблению и опечатана милицией.

– Понятно, – кивнул Грейфе. – Тогда отстучите ему шифровку такого содержания: «Тщательно обследуйте квартиру. Вполне возможно, что тайник сохранился. Изымите фотографии и немедленно пришлите сюда».

Глава 11

Операция «Цитадель» провалилась. Двадцать третьего августа Красная армия вторично, и на этот раз уже навсегда, освободила от немецко-фашистских оккупантов Харьков. Немцы покатались на запад, стремясь во что бы то ни стало удержать свои позиции на рубеже «Восточного вала», приказ о строительстве которого по реке Молочной и далее к северу по течению реки Сож, как мы уже говорили, Гитлер отдал еще одиннадцатого августа, «...невзирая на вопросы престижа, сооружать оборонительные позиции в своем глубоком тылу». Особенно большие надежды он возлагал на оборону Днепра. Выступая на совещании руководства национал-социалистской партии в Берлине, он так и заявил: «...Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его – эту мощную водную преграду в семьсот-девятьсот метров ширины, правый берег которой представляет цепь непрерывных дотов, природную неприступную крепость». Впрочем, такая уверенность в непреодолимости «Восточного вала» базировалась в сознании Гитлера не только на мощи оборонительных фортификационных сооружений и крайне выгодного для немцев рельефа местности. Надо заметить, что для этого у него имелись и другие предпосылки. Главной из них была та, что из разгрома немецких войск под Курском он сделал, в который уже раз, неправильный вывод и снова принял желаемое за действительное. Он постепенно, но все больше начал убеждать себя, а равно и своих приближенных в том, что победа под Курском досталась русским такой ценой, так подорвала всю их мощь, что у них теперь не станет уже никаких сил продолжать наступление в глубь Украины и они будут вынуждены перейти к обороне. Однако очень скоро эта иллюзия рассеялась. Днепр обратно не потек. А Красная армия продолжала освобождать от врага советскую землю. И Гитлер из Берлина срочно перебрался на Украину. Уже двадцать седьмого августа он прибыл под Винницу в село Якушинцы, где для него была оборудована его главная квартира. Место было очень красивое. Но не на отдых пожаловал сюда фюрер. Уже восьмого сентября он провел в штабе группы армий «Юг» большое совещание с командным и начальствующим составом, на котором обсуждалась сложившаяся, после провала летнего наступления, обстановка. В заключение он сказал тогда: «Развитие событий на Востоке обострилось. С Востока нельзя снимать силы, напротив, его надо усиливать».

Командующий группы генерал-фельдмаршал Манштейн попросил немедленно выделить в его распоряжение дополнительно двенадцать дивизий. Гитлер пообещал удовлетворить его просьбу за счет групп армий «Центр» и «Север». Но в это время Красная армия усилила свой нажим на центральном участке фронта, в результате чего вермахт также вынужден был начать отступление. Фельдмаршал Клюге, командовавший группой армий «Центр», заявил, что ввиду крайне обострившейся обстановки он не сможет снять с фронта ни одного солдата. Гитлер тем временем вернулся в свою ставку в Растенбург. Манштейн, не дождавшись обещанного подкрепления, вылетел туда же вслед за фюрером. Но Гитлер на сей раз, выслушав доклад командующего группой армий «Юг», в ответ только посочувствовал ему. Красная армия продолжала теснить врага. В середине сентября вермахт был вынужден начать повсеместный отход с Левобережной Украины и из Донбасса. Двадцать второго сентября советские войска вышли к Днепру, форсировали его и захватили плацдарм в междуречье Днепра и Припяти. А уже к концу сентября Центральный, Воронежский, Степной и Юго-Западный фронты захватили на правом берегу Днепра двадцать три плацдарма.

Фронт вермахта на юге трещал по всем швам. Немцам надо было что-то срочно предпринимать, чтобы не допустить здесь полного прорыва фронта Красной армией. В журнале боевых действий ОКВ четвертого октября появилась категорическая запись.

«...Восточный фронт должен получить помощь, и для этого следует пойти на риск на других театрах военных действий». Помощь после долгих обсуждений была найдена. Немецкие

войска очистили Южную Италию и отошли на более короткую линию обороны на севере. За счет этого удалось выкроить несколько дивизий. Кроме того, все танковые дивизии на итальянском фронте заменялись пехотными. Все лучшие силы из Франции также были переброшены на восток. Таким образом, Восточный фронт вермахта получил дополнительные войска, которые должны были вернуть рейху Донбасс и прочие жизненно важные центры Левобережной Украины. Берлинское радио восьмого октября, скрывая правду от своих слушателей, хвастливо пыталось внушить им: «Германское командование, сократив линию фронта и организовав оборону при более благоприятных естественных условиях, заставило большевиков прекратить наступление... Восточный фронт сейчас более прочен, чем когда-либо. Немецкие войска заняли надлежащие позиции на западном берегу Днепра, как это было предусмотрено, понеся при этом небольшие потери». Но это была заведомая ложь. Остановить наступление Красной армии не могло уже ничто.

Девятого октября Красная армия завершила преодоление обороны немцев на реке Молочной. Четырнадцатого октября был освобожден город Запорожье. Двадцать пятого – Днепрпетровск и Днепродзержинск. А на рассвете шестого ноября был полностью освобожден от оккупантов Киев. «Восточный вал» рухнул. Красная армия начала освобождение Правобережной Украины. И уже седьмого ноября в своем докладе высшему руководству генерал-полковник Йодль сообщал: «Если... охарактеризовать наше общее положение, то я должен со всей откровенностью назвать его тяжелым, и мне совсем не хотелось бы скрывать, что я учитываю возможность наступления новых тяжелых кризисов...» Так оно и случилось. И по мере дальнейшего продвижения Красной армии на запад атмосфера в «Вольфшанце» и в Берлине накалялась все сильнее и сильнее. И опять, как уже неоднократно бывало в таких случаях, когда не сбывались пророчества и заверения фюрера, когда Геббельс объявлял по радио об очередном выравнивании фронта, а на картах генеральных штабов наносился очередной неприступный рубеж обороны немецких войск, между небольшим городком в Восточной Пруссии и столицей Третьего рейха начиналось оживленное движение. Чины поменьше, чины побольше, самые большие и самые высокие загружались в самолеты, в поезда и спешили за указаниями и с указаниями. И опять одним из первых к Гитлеру примчался его «верный Генрих». Гиммлер не видел Гитлера почти два месяца. И был поражен тем, как он изменился за этот не столь уж большой срок. На совещании в Берлине, когда Гитлер выступал перед функционерами националсоциализма, он был одержим верой в то, что его солдаты остановят русских на берегу Днепра. Он был энергичен, бодр, будто и не было никакой катастрофы под Курском. Его самообладание не оставляло ни у кого сомнений в его недюжинных силах. И вдруг то, что Гиммлер увидел сейчас... Фюрер медленно, будто нехотя оторвавшись от карты, лежавшей перед ним на столе, устало поднял на Гиммлера тяжелый взгляд. И Гиммлер, отлично зная и понимая малейшие колебания в настроении своего фюрера, впервые не увидел в этом взгляде никакого выражения. Гитлер был опустошен.

– Мой фюрер, – стараясь никак не выдать своего впечатления, произведенного на него Гитлером, воскликнул Гиммлер, – я, как всегда, счастлив видеть вас.

Гитлер подошел к нему, пожал ему руку и отечески похлопал по плечу.

– Я тоже, мой Генрих. Вы прибыли очень кстати. Нужно о многом поговорить, – ответил он.

– Я привез вам наилучшие пожелания от ваших верных солдат – от ваших и моих подчиненных. Все они еще теснее сплотились вокруг вас, мой фюрер, – сказал Гиммлер, пытаясь как-то отвлечь фюрера от его дум и начать этот разговор по-другому.

– Спасибо, Генрих. Ну что в Берлине? Мне кажется, я не был там целую вечность, – возвращаясь на свое место за столом и за картой, спросил Гитлер.

Гиммлеру было что рассказать об интригах, сплетнях и откровенных высказываниях в высших эшелонах власти. И он хотел это сделать. За этим и приехал. Но он взглянул на фюрера

еще раз и отказался от этих, как ему казалось, благих намерений. И дело тут было не только в жалости. Гиммлер побоялся попасть со своими разговорами, что называется, не в ногу. Ибо он отлично знал, что еще в сентябре в «Вольфшанце» дважды побывал Геббельс. Первый раз десятого и второй раз двадцать третьего числа. Знал и доподлинно, что оба раза они вели с фюрером разговор о трудностях ведения войны сразу на два фронта, о том, что фюрер крайне обеспокоен возможностью скорой высадки англосаксов где-нибудь во Франции и как о контрмере против этого о возможности начала каких-либо переговоров с противником. Были у Гиммлера сведения и о том, что прежде, чем вести такие разговоры с фюрером, Геббельс написал ему свои соображения в докладе. Но этот доклад объемом более сорока страниц к фюреру не попал, а застрял где-то в непроницаемых даже для него, всемогущего рейхсфюрера, сейфах Бормана. А поскольку Гиммлер и сам пытался наладить такие переговоры с противной стороной через своего Шелленберга, то теперь решил запретных тем не касаться и начал рассказывать фюреру о результатах и последствиях последних бомбежек союзниками столицы и других городов Германии. Упомянув при этом и о том, что люфтваффе³, очевидно, так и не сможет защитить фатерланд от этого страшного зла войны.

– Да. Все это так, – вздохнув, согласился Гитлер. – Приходится только восхищаться стойкостью и терпимостью наших людей, способных безропотно переносить все эти тяготы. На высказывания и злонамеренные реплики отдельных слабых лиц и маловеров мы при этом не должны обращать никакого внимания. Больше того, Генрих, мы должны, мы обязаны безжалостно с ними бороться. В этом наш долг во имя будущего Германии.

С этим Гиммлер был абсолютно согласен. Бороться надо. Бороться будут, тем более что призывы министра пропаганды мало на кого уже действуют.

И тут Гитлера вдруг словно прорвало:

– Ничто не наносит такого ущерба нашему общему делу, как вредные, подстрекательские разговоры, особенно ведущиеся в среде растленной еврейми и коммунистами интеллигенции, в наших штабах, включая и генеральные, среди разного рода ничем не занятых, но еще вполне способных честно трудиться на благо рейха пенсионеров, – распалаясь, продолжал Гитлер.

Гиммлер теперь только слушал.

– Проявлять к ним какую-либо терпимость, попустительство – равно тому, что умышленно предавать интересы рейха. Надо в самый кратчайший срок максимально расширить права трибуналов, – продолжал Гитлер. – И ресурсы! Ресурсы! Ресурсы для армии и промышленности! Надо как можно скорее ОКВ разработать и издать приказ об изыскании людских ресурсов для действующей армии. А вам, Генрих, продумать, как пополнять рабочую силу на заводах, на строительных и восстановительных работах. Чем больше всяких болтунов займется делом, тем только чище будет воздух в нашем тылу...

Гитлер говорил долго. Почти час.

И когда он говорил, уже совсем не казался опустошенным. Напротив, в его словах чувствовалась убежденность, воля, уверенность. Гиммлеру всегда казалось почти необъяснимым: его хотелось слушать и верить в то, о чем он говорит, даже ему, рейхсфюреру СС, который знал о подлинном положении дел в рейхе не только не хуже, но, возможно, даже и лучше фюрера. Закончил свой монолог Гитлер так же неожиданно, как и начал. Но не просто замолчал. Теперь он пожелал слушать Гиммлера. А потому спросил. Точнее, потребовал ответить, а что думает обо всем об этом он, его «верный Генрих».

Гиммлер ждал этого. Но теперь ему уже было легче. Основные моменты, на которых ему следовало сосредоточить свое внимание и дать исчерпывающие ответы, были уже намечены самим Гитлером. Ему надо было только сказать, что уже сделано по тому или иному вопросу, а главное, что будет сделано еще: им лично, его штабом, руководимым бригаденфю-

³ Военно-воздушный флот Германии.

пером Вольфом, РСХА, ВФХА, гестапо и другими органами, ему подчиненными. Гитлер слушал его молча, заложив руку за руку, глядя немигающими глазами в одну точку на карте. Но когда Гиммлер упомянул о РСХА, брови его чуть заметно дрогнули. А когда «верный Генрих» отчитывался за гестапо, он неожиданно прервал его.

– А что делается по тому заданию, которое я возложил на вас по поводу Верховного командования русских? – спросил он.

– И которое так успешно выполняет наш дорогой Эрнст, – любезно уточнил Гиммлер. – Много делается, мой фюрер... – И Гиммлер пунктуально изложил то, что сам накануне отъезда в Растенбург узнал о подготовке акции от Кальтенбруннера, и о том, что акция организационно уже продумана от начала и до конца, и о том, что уже заказано и изготавливается специальное оружие, и о том, что уже фактически подобраны кандидатуры тех, кто будет эту акцию исполнять.

– Сроки! Меня интересуют сроки! – нетерпеливо спросил Гитлер.

– Не раньше середины будущего года, мой фюрер, – ответил Гиммлер.

– Долго, – недовольно бросил Гитлер.

– Но зато, надо думать, все будет так, как мы планируем, – попытался успокоить фюрера Гиммлер.

Гитлер снова ушел в раздумья. Гиммлер тоже думал. Он был готов к докладу о ходе подготовки предстоящей акции. Не сомневался в том, что Гитлер спросит его о ней. Но его удивила цепкость, с которой Гитлер держался за нее. А это значило, что он по-прежнему возлагал на нее большие надежды...

Затянувшуюся в их разговоре паузу неожиданно прервал адъютант Гитлера Адамс и доложил, что Кейтель и другие генералы уже прибыли на совещание.

– Да-да. Я их жду, – вспомнил Гитлер. – Пусть заходят. Вы, Генрих, тоже останьтесь. Вам будет полезно узнать об истинной обстановке на фронтах. К тому же у меня насчет вас, в перспективе, есть одно очень важное соображение.

– Готов служить, мой фюрер, – с легким поклоном ответил Гиммлер и, сразу отрезвав от ораторского гипноза своего собеседника, подумал про себя: «Интересно, что он там еще выдумал?»

Глава 12

Круклис чувствовал, что уже пора что-то определенное сказать своему руководству о снимках, найденных на квартире зубного врача-протезиста. А у него до сих пор еще не было никаких данных. Поэтому появление у него в кабинете Доронина вместе с Петренко немало обрадовало полковника. Но радость оказалась преждевременной.

– Что касается старшего лейтенанта Кремнева Петра Петровича – мужа Мартыновой-младшей, то он, как сообщило Главное управление кадров РККА, числится пропавшим без вести с августа тысяча девятьсот сорок первого года. Жена его, Мартынова Любовь Тимофеевна, вместе с командирскими семьями была эвакуирована из Бобруйска в Кострому, где работает в настоящее время в эвакогоспитале. Сведений о муже не имеет. Последнее письмо получила в июле сорок первого. Адрес Мартыновой у нас имеется, – первым закончил свой доклад Доронин.

– Мартынова знает, что ее муж пропал без вести? – спросил Круклис.

– Знает, товарищ полковник.

– Откуда?

– Получила уведомление из Главного управления кадров.

– Есть ли какие-нибудь данные о ней самой?

– Начальством эвакогоспиталя характеризуется положительно. Работает честно, добросовестно. Неоднократно просилась на фронт, – доложил Доронин.

– Почему же не отпускают?

– Здесь, в тылу, тоже рабочих рук не хватает. А она тем более в госпитале, – объяснил Доронин.

– Так, сказал бедняк, – в раздумье произнес Круклис. – Что же будем делать с этой версией дальше? Вы думали, Владимир Иванович?

– Думал, товарищ полковник. Придется ждать о старшем лейтенанте Кремневе каких-либо сообщений, – ответил Доронин. И добавил: – Если они, конечно, откуда-нибудь и когда-нибудь поступят.

– Вот именно: сидеть у моря и ждать погоды, – уточнил Круклис. – Неопределенно и маловероятно. Не годится. А попробуйте-ка запросить Центральный штаб партизанского движения. Пусть проверят, не числится ли этот Кремнев в каком-нибудь из их отрядов?

– И что? – спросил Доронин.

– И если вдруг обнаружится, запросите характеристику. И тоже все с ним станет ясно, – ответил Круклис. – За два года в партизанском отряде он должен как-то себя зарекомендовать.

– Понял, товарищ полковник. Будет сделано, – ответил Доронин.

– Ну а вы чем порадуете, товарищ Петренко? Какое впечатление произвел на вас Киев? – перешел к разговору с майором Круклис.

– Если в двух словах, товарищ полковник, то злодеяниям фашистов нет конца, – хмуро ответил Петренко. – Знаете, ехал – очень волновался. Это ведь мой родной город. А приехал, увидел – сердце зашлось, что они там натворили, эти гады. Крещатика – нет. Стоят пустые коробки. Пригороды все сожжены. В Бабьем Яру побито почти двести тысяч наших людей. Улицы Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Двадцать пятого Октября, Свердлова, да разве все перечтешь, тоже одни развалины. А сколько хлопцев и дивчин угнали в Германию? Вы бывали в Киеве, товарищ полковник?

– Бывал, Леонид Сергеевич, – кивнул Круклис. – Много раз бывал. И всегда испытывал праздничное настроение, когда ходил по его улицам. Каштаны, старинные особняки, памятники культуры, соборы...

– Ни Успенского уже нет, ни Михайлово-Златоверхого, товарищ полковник. Все сожгли бандиты. Разве такую старину восстановишь? – сокрушенно вздохнул Петренко. – А задание, товарищ полковник, я выполнил. Часть дореволюционных городских архивов, и именно та, которая нам была нужна, как ни странно, сохранилась...

– Значит, и правду говорят, что дома и стены помогают, – мягко улыбнулся Круклис.

– Помогают, да не совсем, – смутился Петренко. – Одним словом, товарищ полковник, рождение Марии Кирилловны Барановой в Киеве в тысяча девятьсот втором году документами архива не подтверждается.

– Вот как? – вытянул нижнюю губу Круклис.

– Я проверил списки родившихся киевлян от девятьсот второго года за пять лет вперед и назад. И тоже никаких сведений о Барановой М.К. нигде не нашел, – доложил Петренко.

– Совсем хорошо, – сказал Круклис. – Может, ее тогда действительно принес аист?

– Я проверил тщательно, товарищ полковник, – заверил начальника Петренко.

– Не сомневаюсь, – согласно кивнул Круклис. – Но где же ошибка? И ошибка ли? Неожиданный поворот. Не скрою...

– Жалко, что город Пушкин в оккупации, – заметил Доронин.

– Очень жалко: и вообще и в частности, – снова согласился Круклис. – И все же, что вы оба думаете по поводу этой Барановой?

– У меня две версии, – начал первым Доронин.

– Давайте.

– Либо мы ищем не ту, кто она в действительности. Либо в архивах чего-то не хватает.

– В архиве, Владимир Иванович, полный порядок. Можете сами проверить, – явно уязвленный недоверием, ответил Петренко. – У меня было намерение посмотреть еще церковные записи. Но ведь мы не знаем, в какой церкви она крестилась...

– Не знаем, – подтвердил Круклис. – А что вы имели в виду, Владимир Иванович, когда говорили, что мы ищем не ту?

– Да ничего особенного, товарищ полковник. Мы ведь до сих пор не установили, была она замужем или нет. Ну а если была, то уж точно искать надо было не Баранову, а какую-то другую Марию Кирилловну, – объяснил подполковник свою версию.

– Так не рождалось за все десять лет ни одной Марии Кирилловны! – бойко заметил Петренко. – Марии – сколько угодно. Кирилловны – тоже попадались. А вот вместе, как назло, – ни однёшенькой.

– Вот! Это профессионально! Значит, догадался и по именам проверить? Молодец, – одобрительно взглянул на Петренко Круклис. – Это уже серьезный сигнал! Так как же ее искать дальше?

– Надо подумать. Следы обрываются, – ответил Доронин.

– А вот и нет! Зацепочка есть!

– Какая же?

– Не ручаюсь за сто процентов, но попытать счастья можно и нужно. Она врач?

– Стоматолог-протезист.

– Значит, когда-то она получала диплом?

– Обязательно.

– И когда она получала право работать в Москве, наверняка этот диплом где-то зафиксирован?

– А как же? Кто бы ей разрешил без диплома...

– Вот и зацепочка. Вот и ниточка. Вот и поезжайте-ка в Наркомздрав, а уж точнее там на месте разберетесь, где искать нужные сведения, и узнайте: где, когда она его получала и на какую фамилию. Даю вам на это два дня.

Доронин и Петренко ответили в один голос:

- Слушаюсь, товарищ полковник.
- Значит, – не спешил отпускать их Круклис, – поиск по двум направлениям. Через ЦШПД и через Наркомздрав. Вот теперь выполняйте.

Глава 13

Агент «двадцать два» выходил на связь строго по графику, разработанному по особой системе, почти исключавшей возможность советской контрразведке установить какую-либо закономерность последовательности сеансов приема и передач. Система была сложной и в то же время достаточно простой. Основывалась она на умении производить средней трудности расчет и точном знании московского времени. Чтобы не ошибиться и не запутаться в ней и не пропустить приема информации из-за линии фронта в нужный момент, агент всегда должен был точно знать порядковый номер месяца, порядковый номер недели, число, обозначающее день с добавлением к нему десятки, и целое число часов с округлением минут в большую сторону, если их набегало больше, чем полчаса, и с округлением в меньшую сторону, если их до полного получаса не хватало. Имея все эти цифры и зная, что с ними делать дальше, агент сравнительно легко определял для себя день, час и минуту начала очередного сеанса. Но только на этих расчетах конспирация не заканчивалась. Сеансы приема проводились всегда с одного места. А передачи – постоянно с разных, дабы наверняка, будучи запеленгованным в первый раз, не напороться на этом же месте на верную засаду в следующий раз. Конечно, перевозить и переносить передатчик с места на место было крайне рискованно и трудно. Но делать это тем не менее приходилось. Спасало агента то, что работать на передачу ему случалось весьма редко. «Двадцать второй» был нужен Грейфе в глубоком советском тылу в первую очередь как надежный приемщик информации, всяческих заданий и приказов. И как таковой, в подавляющем большинстве случаев использовался еще с довоенных лет. Полученные же из-за линии фронта задания, когда они предназначались не для него, «двадцать второй» передавал уже каждому адресату своим путем надежным, проверенным способом. Это задание было адресовано только ему. Это «двадцать второй» понял сразу, как только расшифровал телеграмму. Понял и поморщился и сердито подумал про далекого шефа: «Дались они ему, эти фотографии. Ведь я сообщал уже, что туда лучше бы не соваться. Так нет! Полежай!» Конечно, ослушаться строгого приказа шефа «двадцать второму» и в голову не приходило. Но вот как лучше этот его приказ выполнить? Как пробраться во флигель так, чтобы никому не попасться на глаза? Это был вопрос. И над ним стоило задуматься.

Во второй половине ноября погода в Москве и Подмосковье резко изменилась к худшему. Начались затяжные дожди, каждый раз почти со снегом. Ночами подмораживало. Но за день все распускало снова. Небо, казалось, совсем легло на землю. Мохнатые, тяжелые тучи висели над самыми крышами. И было очень неуютно и тоскливо. «Двадцать второй», разбрызгивая лужи сапогами, быстро шел по дорожке к станции. Он торопился. Радиограмма была принята в одиннадцать часов ноль пять минут по московскому времени. А ближайшая электричка отходила на Москву в одиннадцать сорок. Времени у «двадцать второго» было в обрез. И он спешил, зябко поеживаясь, когда ветер вдруг обдавал его холодным душем дождевых капель. На электричку он не опоздал. В вагоне, найдя место, приткнулся и, по привычке осмотревшись по сторонам, взглянув мельком на попутчиков, снова углубился в размышления. Дом и квартиру, в которой до поры до времени хранились в тайнике нужные Грейфе фотографии, он знал отлично. И однажды уже пытался их оттуда извлечь. Но тогда все неожиданно испортила эта глупейшая история с воровством. Милиция, амбарный замок на входной двери, печати – все это оставило у него весьма неприятные воспоминания. Излишне настораживало и даже вызывало нервозность. Тем более что «двадцать второй» был суеверен и верил в недобрые приметы, среди которых была и такая, по которой всякое дело получалось или сразу, или никогда. Да, эти чертовы жулики испортили ему тогда немало нервов. И хотя у него на всякий непредвиденный случай было довольно надежное алиби, влипнуть в историю, совершенно не нужную для него, он мог очень просто. Ни замок, ни печать он, конечно, трогать теперь не собирался.

Они даже, напротив, должны были послужить ему сейчас надежным прикрытием. Но вот то, что ему предстояло, было далеко не лучшим вариантом. Однако другого способа просто не представлялось...

В Москву «двадцать второй» прибыл в час дня. Доехал на метро до Смоленской и уже через несколько минут осмотрел флигель через арку. Никаких внешних изменений в нем не нашел. Увесистый замок все так же надежно запирает его входную дверь. «Двадцать второй» прошел через двор совсем рядом с флигелем. Но и на сей раз ничего подозрительного не заметил. К двери он, естественно, не приближался, печати не разглядывал. Удержали его от этого инстинкт самосохранения и годами выработанный опыт не делать ничего лишнего и такого, что могло бы со стороны привлечь внимание. А внимание на «двадцать второго» уже было обращено с того самого момента, как только он вошел во двор. Но «двадцать второй» об этом ничего не знал и думал лишь о том, как бы не встретить сейчас, как в прошлый раз, кого-нибудь из жильцов, которые могли бы его узнать. Мог ведь уже и дворник вернуться с фронта. Могла опять попасться ему на пути и та жиличка, с которой он беседовал после ухода милиции. А уж она-то, без сомнения, узнала бы в «двадцать втором», хотя сейчас он был одет во все гражданское, старшего лейтенанта с узенькими интендантскими погонами на плечах. Только теперь он уже был не Помазков, а Свиридошкин, с довоенных лет проживающий в Софрине и работающий на одном из местных предприятий. Свиридошкин проходным двором вышел в переулочек и взглянул на часы. Было два с четвертью. Свиридошкин решил, что болтаться без дела по городу не следует, повернул к Арбатской площади, потолкался в очереди в кинотеатр «Художественный», купил билет и посмотрел картину «Два бойца», только что вышедшую на экраны. Но времени до вечера, а точнее, до темноты, все равно оставалось еще много. Городские часы возле Арбатского рынка, разбитого немецкой бомбой еще в сорок первом году, показывали ровно пять. Свиридошкин решил посмотреть еще какой-нибудь фильм и отправился по улице Воровского в «Первый» кинотеатр. Тут демонстрировался фильм «Секретарь райкома» с Астанговым и Жаровым в главных ролях. Свиридошкин посмотрел и его. И снова очутился на улице. Теперь уже было семь. Шел мелкий дождь. Свиридошкин уже давно проголодался. Но есть на ходу не стал, хотя прихваченный с собой бутерброд с салом ощупывал в кармане уже несколько раз. Но семь часов для его дела было тоже еще не время. И Свиридошкин отправился в кино третий раз. Но теперь уже в «Арс» и смотрел старый, довоенный фильм «Танкер “Дербент”». Во время сеанса он потихонечку сжевал свой бутерброд, а когда снова очутился на улице, было уже около девяти, совсем темно, холодно и сыро. Это устраивало Свиридошкина. Но он не поспешил к флигелю прямо с Арбата, а обошел переулками весь квартал и подошел к нему проходным двором сзади. Флигель, в котором проживала Баранова, выходил сюда своей задней стеной, к ней-то и лепился дровяной сарайчик, прятавший в своем нутре дверь от черного хода квартиры Марии Кирилловны. Об этом ходе и понятия не имели ни в милиции, ни тем более в отделе Круклиса. Но Свиридошкин о нем знал...

Двор флигеля, там, где стоял дровяник, был тесный, как колодезь. Окна окружавших его зданий были затемнены, в нем росло несколько высоких тополей, здесь даже днем не хватало света. А сейчас уже по-осеннему сгустившаяся темнота и вовсе не позволяла ничего видеть на расстоянии трех-четырех метров. Но Свиридошкину это было только на руку. Он присел на скамейку под тополями и закурил. Запоздавшие жильцы торопились домой и на курившего мужчину не обращали внимания. А скоро во дворе и совсем стало тихо. Тогда Свиридошкин неторопливо встал со скамейки и так же неторопливо подошел к сарайчику. Нашел дверь, ощупал ее. Дверь оказалась прикрытой лишь на задвижку. Свиридошкин легко отодвинул ее и вошел внутрь сарайчика. Здесь было совершенно темно. И Свиридошкину снова пришлось действовать только на ощупь. Конечно, это было очень неудобно. Но другого выхода у него просто не было...

Стараясь не делать никакого шума, Свиридошкин, передвигая ноги буквально по сантиметрам, пробрался к стене флигеля. Но до двери черного хода добрался не сразу. Ее наполовину закрывали какие-то ящики. Свиридошкину пришлось повозиться с ними не менее часа, прежде чем он передвинул их от двери. Зато сзади него теперь образовалась довольно глухая защита и можно было включить синий свет фонарика, чтобы хоть мельком оглядеться. Дверь оказалась забитой гвоздями. Но Свиридошкина это не смутило. Уже в следующий момент узкий, как бильярдный кий, синий луч фонарика заскользил по углам дровяника и остановился на топоре, воткнутом в чурбан. А еще через несколько минут входная дверь во флигель со скрипом подалась, и Свиридошкин очутился на ступеньках лестницы черного хода. В нос ему ударило застоявшимся запахом пыли, мышей, кошек и еще чего-то затхлого. Но Свиридошкину было сейчас не до этих запахов. Он их вовсе почти не заметил и поспешил, хватаясь за перила, по лестнице наверх.

Несложно оказалось попасть и на кухню. Топор споро делал свое дело. Вот и жилая комната. Свиридошкин смело шагнул в темноту и чуть не растянулся на полу, налетев на перевернутый стул. Окна в квартире были зашторены. Чертыхаясь, Свиридошкин включил фонарик. То, что он увидел, ошеломило его. В квартире все было перевернуто, разбросано: мебель, вещи, чемоданы, книги. Половицы все вывернуты, стены искосыряны чем-то острым. Свиридошкина охватило недоброе предчувствие. Подсвечивая фонариком, чтобы не налететь на что-нибудь еще раз, он пробрался на место, где им самим при въезде Барановой во флигель был оборудован тайник. Пол здесь также был разобран. Свиридошкин опустился на колени. Перерыл руками труху, лежавшую под половицами. Осветил каждый уголок между лагами. Но небольшой стальной ящичек, в котором хранились фотографии, исчез бесследно.

Свиридошкин почувствовал, как на спине у него выступил холодный, липкий пот. Объяснить тем, кто послал его сюда за содержимым этого ящичка, что его украли, практически было невозможно. Ему бы просто не поверили.

А это уже грозило многими неприятностями. И как подтверждение тому, словно символ надвигающейся беды, луч фонарика выхватил вдруг откуда-то из темноты совершенно черную, как нечистая сила, кошку, которая, отвратительно гнусаво мяукнув, одним прыжком скрылась в приоткрытой двери кухни. Свиридошкин от неожиданности ахнул и набожно перекрестился...

Он так расстроился, что, уходя, не только не замаскировал проход из кухни на черный ход, но даже не закрыл дверь на лестницу...

Глава 14

Грейфе неожиданно задумался, прежде чем дать ответ, когда адъютант спросил его:
– Оберштурмбаннфюрер, где вы будете знакомиться с этими русскими?

Он так и сказал с «этими». И эта фраза вдруг заставила Грейфе взглянуть на все иначе. Хотя накануне никакого вопроса с организацией всей этой процедуры совершенно не было. Казалось само собой разумеющимся, что всех троих приведут к нему в кабинет. Сюда же должен будет прийти и Скорцени, мнением которого начальник восточного отдела очень дорожил. И тут вдруг с «этими» – в недалеком прошлом – самыми отпетыми уголовниками. «Действительно, за каким дьяволом им сюда всем троим? – задал вопрос самому себе Грейфе. И сам ответил на него: – Ну, ладно еще одному, тому, которого мы отберем! А остальным-то двоим, что тут делать? Здесь ведь все-таки РСХА, а не какой-нибудь лагерный блок или тюремный застенки. Вот пусть там и продолжают свои занятия. А тут им совершенно делать нечего». Но встретиться тем не менее было надо, и Грейфе вопросительно уставился на адъютанта.

– А что вы можете предложить, Эгерт? – вопросом на вопрос ответил в конце концов он.

– У нас в комендатуре прекрасная приемная для разного рода посетителей, оберштурмбаннфюрер. Можно оттуда всех выгнать, закрыть ее. А «этих», – Эгерт употреблял только это слово, – можно провести туда через запасной вход, так что их не заметит ни одна живая душа.

– Прекрасно, Эгерт, – обрадовался Грейфе. – Там, надеюсь, есть стол? Стулья?

– Там все есть и все в лучшем виде, герр оберштурмбаннфюрер.

– Туда и препроводите их. А мы со штурмбаннфюрером подойдем позднее, – окончательно решил вопрос Грейфе.

У него еще оставалось немного времени до встречи, и он снова принялся перелистывать характеристики отобранных ими кандидатов. За этим занятием и застал его Скорцени. Штурмбаннфюрер ввалился в кабинет, и тот сразу перестал казаться таким просторным. Чин у Скорцени был невелик. И Скорцени всегда старался держаться подтянутым и корректным. Но после того как он, выполняя личный приказ Гитлера, выкрал в сентябре у итальянцев Муссолини и на самолете привез его в Германию, после того как все газеты и имперское радио провозгласили его героем номер один, он позволил себе несколько расслабиться, чувствовать себя в любом обществе посвободней. И от этого при его крупной фигуре стал казаться еще более могучим.

Поприветствовав Грейфе и по-приятельски поздоровавшись с ним, штурмбаннфюрер с удивлением спросил:

– Мы одни? Или все отменяется?

– Все в порядке, дорогой Отто, и нас уже ждут, – поспешил успокоить его Грейфе и рассказал о том, какая мысль неожиданно пришла ему в голову и почему он изменил место встречи с кандидатами.

Скорцени этих тонкостей не понял, но разбираться в них не стал и согласно кивнул:

– Конечно, можно и так. Но я-то думал, мы с ними где-нибудь в тире знакомиться будем. Или в спортзале. Я даже форму не хотел надевать.

– Это самое общее знакомство. Надо же хоть взглянуть на них? – объяснил Грейфе. – А потом обязательно и в тире, и на ковре, и на ринге... и в бассейне!

– А машина? А мотоцикл? А парашют? Должны они уметь ими пользоваться?

– Непременно, дорогой Отто! И еще тысяча дел, которым мы должны будем их обучить, – добавил Грейфе.

– Реакции и смелости не обучишь. А без них идти на риск равносильно тому, что заранее всё провалить, – высказал свою сокровенную мысль Скорцени.

Грейфе в ответ только развел руками. Насколько всем этим требованиям мог ответить хоть один из ожидающих их внизу «этих русских», он не имел ни малейшего представления.

В кабинет вошел Эгерт, доложил о том, что все готово, уловил благосклонный кивок начальника, забрал со стола характеристики и пригласил Грейфе и Скорцени следовать за ним.

Они спустились на первый этаж и какими-то, совершенно незнакомыми Грейфе коридорами и переходами, минуя несколько постов охраны, прошли в приемную, оказавшуюся просторной, чистой, обставленной строгой официальной мебелью комнатой. В одном углу ее стоял бюст Гитлера. В простенке между окнами висел его портрет. В приемной стояло также несколько столов, а возле каждого из них стулья. За одним из столов сидели трое средних лет мужчин: двое одеты в штатское, один – в форму рядового вермахта. Форма была чисто выстирана и отутюжена, но уже порядком поношена. На это сразу обратил внимание наметанный глаз Грейфе.

Увидев высокое начальство, все трое кандидатов немедленно вскочили со своих мест. Прозвучало нацистское приветствие, и три пары глаз впелись в эсэсовцев. Грейфе и Скорцени ответили вполголоса и некоторое время молча разглядывали прибывших. «“Эти русские”, – невольно вспомнил выражение своего адъютанта Грейфе, – на фотокарточках, однако, выглядели куда более привлекательно. Особенно этот в форме. Филь-ча-коф, кажется. Эти странные русские фамилии».

– Садитесь, господа. Садитесь вот сюда, поближе. Нам хотелось бы познакомиться с вами, – предложил Грейфе кандидатам и указал, за какой стол им следует сесть.

Трое незамедлительно сели. Особенно проворным оказался кандидат в военной форме. Он занял место за столом быстрее всех и снова уставился на Грейфе. И это также не понравилось начальнику восточного отдела. «Нельзя чувствовать себя таким забытым», – мысленно уже начал оценивать кандидатов Грейфе.

– Эгерт, объясните господам русским, пусть они говорят на своем родном языке. А вы будете нам переводить. Иначе мы и наполовину не пойдем друг друга, – попросил Грейфе.

Эгерт, блестяще знавший русский, польский и сербский языки, сейчас же перевел.

– Я буду задавать вам самые общие и простые вопросы, а вы отвечайте. Спокойно отвечайте, господа. Вот вы, господин Филь-ша-коф, – заглянув в характеристику, обратился к кандидату в форме Грейфе. – Скажите, в каких больших городах России вы бывали?

Фильчаков вскочил, как только оберштурмбаннфюрер ткнул в его сторону пальцем.

«Да, он явно забит», – подумал Грейфе, пока Эгерт переводил кандидату его вопрос.

– В Куйбышеве, в Казани, в Горьком, господин оберштурмбаннфюрер. А еще в Чебоксарах и Арзамасе, – отчеканил Фильчаков.

– Насколько я понимаю, это все волжские города, – кивнул Грейфе.

– Так точно, господин оберштурмбаннфюрер.

– Ну а в Сталинграде вам приходилось бывать?

– Не бывал и быть не хочу! Будь он проклят, этот город, господин оберштурмбаннфюрер! Столько солдат фюрера за него полегло! – ответил Фильчаков, но, сообразив, что, пожалуй, ответил не то, что надо, добавил: – А если бы довелось туда попасть, я бы всех этих его защитников собственными руками в Волге перетопил. Камень на шею – и в Волгу. Там им самое место, господин оберштурмбаннфюрер.

– О, конечно, вы правы, господин Фильчаков, – согласился Грейфе. – А в Харькове, Киеве вы не бывали?

– Я до Харькова не дошел, господин оберштурмбаннфюрер. Я под Харьковом доблестной немецкой армии сдался. И потом попал в лагерь в Хороле. А потом, – начал было перечислять Фильчаков, но Грейфе ткнул пальцем в характеристику.

– Да-да... я знаю. Тут написано, – сказал он. – А в каких отелях вы останавливались, господин Филь-ша-коф, в тех городах, куда вы приезжали?

Фильчаков смущенно заморгал. Судя по всему, врать он побоялся, а правду предпочел бы умолчать. Но отвечать было надо, и он сказал:

– Какие отели, господин оберштурмбаннфюрер? Так, больше у родственников, бывало, переночуешь. А то и вовсе на вокзале...

– Понятно, – многозначительно процедил Грейфе.

Дальше были вопросы другого характера. И было их много. Грейфе видел и чувствовал, что «Фильщакоф» старается. Очень старается. Он даже вспотел. И очень хочет понравиться и заслужить его, оберштурмбаннфюрерское, расположение к себе. Но на Грейфе все это действовало как раз наоборот. Антипатия к «этому русскому» у него появилась, что называется, с первого взгляда. Но не это было главным для отбора. Фильчакову явно недоставало контактности, кругозор его оказался весьма примитивным и ограниченным. Хотя, как указывалось в характеристике, он окончил среднюю школу и даже обучался в лесном техникуме. Ярко в нем просвечивало только одно – лютая ненависть ко всему советскому. Но для успешного решения той задачи, для которой подбирали исполнителей Грейфе, этого было мало.

– Хорошо, господин Фильщакоф. Мне все ясно. Я убедился, что вы искренний друг рейха. Мы подумаем, как вас лучше использовать для наведения нового порядка. А пока можете возвращаться в свое подразделение, – закончил Грейфе беседу.

Фильчаков снова, как и при встрече, вскинул руку, громко выкрикнул приветствие, щелкнул каблуками и, повернувшись по-военному, отмаршировал к входной двери. Эгерт провел его через посты охраны и выпроводил на улицу. А когда вернулся в приемную, то увидел, что его начальник оживленно беседует со вторым русским. Второй русский свободно говорил по-немецки, да еще на баварском диалекте. О, этот второй русский был совсем не похож на первого. Он происходил из очень хорошей, интеллигентной семьи из Риги. Эгерт сразу почувствовал, что его начальнику было интересно разговаривать с этим отпрыском старого дворянского рода, обучавшимся до воссоединения Латвии с СССР в Мюнхенском университете.

– Родители живы? – спросил Грейфе.

– Никак нет, господин оберштурмбаннфюрер. Мать умерла еще в тридцать шестом году. Отец репрессирован большевиками сразу после захвата Прибалтики. Сведений о нем не имею. Привык считать, что его уже тоже нет в живых, – спокойно, как и вообще он вел весь этот разговор, ответил кандидат.

– Ваш отец был царский офицер? – пожелал уточнить Грейфе. – Где служил?

– Он был полковник, герр оберштумбаннфюрер. С шестнадцатого года служил в штабе генерала Корнилова. После неудавшейся попытки установить в Петрограде власть военной диктатуры вынужден был уехать в Ригу.

– Это было?.. – запямятовал Грейфе.

– Тридцать первого августа семнадцатого года, герр оберштурмбаннфюрер.

– А потом?

– В 1919 отец служил у генерала Бермондт-Авалова. Вместе с генералом фон дер Гольцом они вырвали Ригу у красных. А когда под давлением англо-франкского союза германским войскам пришлось уйти из Риги и продажное латышское правительство заключило в двадцатом году мирный договор с Советами, отец делал все, чтобы красная зараза не проникала в Прибалтику, герр оберштурмбаннфюрер.

– Фон дер Гольц много сделал для Германии, – удовлетворенно заметил Грейфе.

– Мой отец тоже – для Белого движения, герр оберштурмбаннфюрер. За что и был репрессирован большевиками.

Эгерт заглянул в характеристику. Фамилия у кандидата была немецкая – Дреер. Звали его Паулем, хотя рядом с этим именем, правда, в скобках, стояло и другое – Павел. Отчество – Людвигович.

Дрееру задавал вопросы не только Грейфе, но и Скорцени. Штурмбаннфюрер в их разговор включился не сразу. Он вначале внимательно, и было похоже, что даже с любопытством, долго разглядывал Дреера. При этом на губах у маститого террориста блуждала все время какая-то непонятная то ли лукавая, то ли снисходительная ухмылка. Эгерт так и не понял, чем она была вызвана. Но он запомнил, что она была.

В конце беседы Грейфе сказал:

– Мне было интересно с вами познакомиться, господин Дреер. Для вас забронирован номер в гостинице «Унтер-ден-Линден». Номер оплачен. Трехразовое питание в ресторане гостиницы тоже. Поезжайте туда. Отдыхайте. Напротив есть кинотеатр. Развлекайтесь. Но пусть дежурный всегда знает, где вы. Сейчас Эгерт даст вам адрес гостиницы, свой телефон и немного денег на карманные расходы. Через несколько дней он сообщит вам, когда вы нам понадобится снова.

Дреер поблагодарил Грейфе за заботу и пообещал из номера, кроме как на завтрак, обед и ужин, никуда не выходить.

– Я буду отсыпаться, герр оберштурмбаннфюрер. Буду считать, что мне дали первый отпуск за все время с тех пор, как большевики пришли в Латвию.

Грейфе это понравилось, и он даже хлопнул Дреера по плечу. После этого Эгерт повел его по коридорам к выходу, предварительно снабдив всем, что пообещал ему Грейфе.

Третий кандидат немецкого языка не знал. И беседа задержалась до возвращения Эгерта. Поскольку в предыдущей беседе Эгерт участия не принимал, так как собеседники отлично обходились и без него, он от нечего делать досконально разглядел этого третьего. И надо сказать, что тот сразу чем-то привлек его внимание. Потом, чуть позднее, когда кандидат разговаривался, Эгерт даже уточнил для себя, чем он отличался от своих предшественников. В нем проглядывала такая прямо-таки змеиная изворотливость. Он, бесспорно, как Фильчаков и как все другие, подобные ему, смертельно боялся своих новых хозяев. Животным страхом боялся попасть к ним в немилость, стать неудобным. Такое могло случиться из-за пустяка. А последствия этого могли быть самые роковые. Любой чин, даже средний, запросто мог прихлопнуть такого Фильчакова как муху. А Политов, Эгерт сразу почувствовал это, за здорово живешь себя бы не отдал. Непременно стал бы выкручиваться, врать, клеветать и не задумываясь предал бы и второй раз, и третий. Такого заставить делать то, что требуется, можно только одним способом: поставить его в такие железные условия, в такие жесткие рамки обстоятельств, вырваться из которых он был бы бессилён.

Очевидно, таким же показался Политов и Грейфе, потому что он сразу же начал загонять его своими вопросами в угол. Грейфе держал в руке характеристику, читал ее про себя и задавал Политову вопросы.

– Вы добровольно перешли на нашу сторону тридцатого мая сорок второго года на фронте. Ваша последняя должность в Красной армии? – спросил Грейфе.

– Командир стрелковой роты, герр оберштурмбаннфюрер, – ответил Политов.

– Вы перешли с оружием в руках. Что у вас было?

– Автомат ППШ с двумя магазинами патронов, пистолет ТТ с двумя снаряженными обоймами и две гранаты оборонительного характера.

– Почему оборонительного? – не понял Грейфе. – Ваши же войска в то время наступали.

– На случай, если бы за мной началась погоня, герр оберштурмбаннфюрер.

Грейфе удовлетворенно кивнул. И продолжал:

– Вы попали в лагерь военнопленных. Куда?

– Сначала на пересыльный пункт под Ржевом, герр оберштурмбаннфюрер. Затем в Демьянский лагерь. Потом в Витебский... – начал перечислять Политов.

Грейфе жестом остановил его.

– Что сделали вы полезного в Демьянском лагере? – спросил он.

– Мне удалось внедриться в группу, готовящуюся к побегу. Я познакомился со всеми ее членами. Узнал их фамилии и имена. И обо всех своевременно сообщил коменданту лагеря. Их всех схватили еще перед побегом, герр оберштурмбаннфюрер, – не без бахвальства ответил Политов.

– Сколько человек входило в группу?

– Если память не изменяет, герр оберштурмбаннфюрер, восемнадцать человек, – подумав, назвал число Политов.

– Хорошо, – одобрил Грейфе. – Расскажите о вашей помощи рейху в Витебском лагере.

– Там я пробыл несколько месяцев, герр оберштурмбаннфюрер. Передо мной была поставлена конкретная задача: выявить подпольный лагерный комитет. Это было очень сложно, герр оберштурмбаннфюрер. Подпольщики имели хорошо продуманную секретную службу оповещения и связи. Но мне посчастливилось встретить в лагере одного моего бывшего сослуживца, политработника. Его никто не мог разоблачить. Иначе он никогда бы до лагеря не дошел. Но здесь я сразу понял, что он-то наверняка в курсе дела, которое меня интересует. Так оно и оказалось. Он меня порекомендовал. Но они все равно проверяли меня почти два месяца. Потом все же поверили. Еще примерно месяц ушел на то, чтобы узнать все их связи до конца. А когда все было установлено, их всех взяли в один час, герр оберштурмбаннфюрер, – дал полный отчет Политов.

– Куда вас перевели потом?

– Сначала в Демблин, потом в Ламсдорф в лагерь номер триста сорок четыре. Там завербовали ваши люди из СД и отправили на два месяца на учебу в «Русланд-Норд». Оттуда я был направлен камерным агентом в городскую тюрьму в Вене, – закончил свой послужной список Политов.

– Почему именно вас направили в «Русланд-Норд»?

– В Ламсдорфе мне удалось выявить связи заключенных на воле.

– Какие же конкретно?

– Удалось напасть на след распространителей вражеской пропаганды. Те слушали радиопередачи из Лондона, записывали их, перепечатывали на машинке и раздавали населению и кое-что даже ухитрились переправлять в лагерь, герр оберштурмбаннфюрер, – ответил Политов. – А в лагере от этого начинались всякие волнения.

– Наши службы характеризуют вас как убежденного противника большевизма. Чем бы вы хотели заняться у себя на родине, если бы вам предложили там работу? – продолжал расспрашивать Грейфе.

Политов взметнул брови. Ему показалось, что Грейфе открыл перед ним завесу молчания и высказал цель знакомства. Но если это так, то Политову совсем не чему было радоваться. Возвращаться в разграбленную Россию ему абсолютно не хотелось. К тому же там в два счета можно было схлопотать пулю. А это и вовсе не входило в планы Политова.

– Я бы все силы приложил к тому, герр оберштурмбаннфюрер, чтобы навести и утвердить на моей родине новый порядок.

– Очень хорошо, – снова одобрительно кивнул Грейфе. И, сделав небольшую паузу, продолжал уже в ином тоне: – Господин Политов, на одном из первых допросов еще в Демьянском лагере вы показали, что ваш отец был полковником старой русской армии. Вы сами понимаете, что проверить эти данные у нас нет никакой возможности. Поэтому скажем: пусть это так и есть. Хотя, откровенно говоря, я глубоко уверен в том, что у вашего царя просто не было столько полковников, сколько ваших людей, изъявивших желание служить нам, выдают себя за их детей. Но, я уже сказал, пусть это так и будет.

Говоря все это, Грейфе не спускал с Политова глаз. Хотел увидеть, как воспримет тот его откровенное неверие в выдуманную им легенду. Но Политов выслушал перевод этого откровения эсэсовца не моргнув глазом. Ни одна жилка не дрогнула у него на лице, ни кровинки не

выступило на широких щеках. Это Грейфе заметил. «Наглости, однако, ему не занимать», – невольно подумал он. Но вслух продолжал говорить о другом:

– Так вот, господин Политов, если ваша ненависть к большевикам имеет такие глубокие корни, вы могли бы ради достижения нашей победы пойти на большой риск? На такой, скажем, на какой иногда идут ваши соотечественники на фронте?

– А разве мой переход через линию фронта не был связан с риском, герр оберштурмбаннфюрер? – неожиданно вопросом на вопрос ответил Политов. – Разве я не рисковал? Ведь мне в спину мог ударить любой автоматчик. Любой снайпер и с той, и с другой стороны мог взять меня на мушку...

Неожиданность ответа понравилась Грейфе.

– Это так, – согласился он.

– Но я готов пойти и сочту за честь, если мне предоставят такую возможность, и на больший риск. Даже если он будет смертельным, я готов доказать свою преданность фюреру, – добавил Политов. – Дайте возможность мне доказать это, герр оберштурмбаннфюрер, и я докажу.

– Хорошо, – коротко подвел итог беседы Грейфе. – Мы учтем эту вашу просьбу, господин Политов.

Сказав это, Грейфе обернулся к Скорцени. За все время разговора тот не обронил ни слова.

– Я знаю, Отто, что у вас еще все впереди, но, может быть, сейчас вы тоже что-то желаете спросить? – поинтересовался он, прежде чем окончательно закончить беседу.

– Пожалуй, – не стал отказываться Скорцени и обратился к кандидату: – Скажите, Политов, вы слышали о той операции, которую мне удалось провести в Италии?

– Конечно, герр штурмбаннфюрер. О ней знают все. И восхищаются вами, – польстил кавалеру «Рыцарского креста» и множества других наград Политов.

– А скажите, Политов, как вы думаете, мог бы я осуществить такую акцию в СССР? – приняв как должное похвалу в свой адрес, спросил Скорцени.

Политов не стал спешить с ответом. Он был уверен, что эсэсовец ждет от него очередного комплимента. Но наметившаяся определенная направленность вопросов, которые ему задавал Грейфе, да плюс совершенно неприкрытый вопрос Скорцени, подтвердила его догадку о возвращении в Россию. И не только подтвердила, но и напугала. И ему уже не захотелось льстить этому наглому террористу, который, вполне возможно, на сей раз, спасая шкуру, подставлял под удар его, Политова. И он ответил не грубо, но неожиданно для эсэсовца твердо:

– Советский Союз, герр штурмбаннфюрер, – это не Италия. И сделать там то, что вы сделали в Италии, куда труднее.

Скорцени молча кивнул. А Грейфе, явно довольный ответом, поспешил закруглиться.

– Ну что ж, господа, у нас еще будет время обсудить все эти вопросы. А пока, я думаю, мы отпустим господина Политова. Эгерт даст вам, господин Политов, деньги и адрес гостиницы. Отдыхайте.

Политов понял, что его не отсеяли, как этого пришибленного Фильчакова. Но особой радости от своей удачи он уже не испытывал. Больше того, он даже пожалел о том, что уж слишком бойко разглагольствовал о своих подвигах в лагерях. «Кто знает, ведь вполне возможно, что именно эти его заслуги перевесили чашу весов в его пользу. Только в пользу ли?..» – подумал он и, отдав немцам нацистское приветствие, в сопровождении Эгерта вышел из приемной.

Глава 15

Как при аресте банды на квартире у Скоморошкиной не поверил Грачу в том, что налетчики не нашли у Барановой никаких драгоценностей, старший наряда сержант, так не поверил ему и следователь. И решил, не откладывая дело в долгий ящик, сам побывать на месте преступления и хорошенько все осмотреть. Доложил о своем намерении начальнику отделения.

– Правильно, – одобрил начальник. – Я бы на твоём месте сразу с этого начал.

– У меня своя метода, – буркнул следователь.

– Я, пожалуй, тоже схожу посмотрю, что они там натворили, бандюги, – ответил капитан. Во двор к флигелю пришли втроем: капитан, следователь и участковый.

– Собирай понятых, – приказал участковому капитан.

Участковый ушел в домоуправление и скоро вернулся в сопровождении трех женщин. Одну из них – домоуправа, женщину средних лет в ватной куртке и резиновых сапогах, капитан знал уже давно и поздоровался с ней, как со старой знакомой.

– Здравствуй, Анна Петровна.

И она ему ответила так же:

– Здравствуй, Алексей Николаевич. Или опять что случилось?

– Да нет. Следователь наш решил осмотреть место преступления. Ну а без понятых, в таких случаях, в чужой дом не входят.

Открыли замок. Вошли в квартиру Барановой. Здесь действительно все было перевернуто вверх дном. Пружинный матрас на кровати хозяйки был вспорот. Ящики из комода вытащены. Их содержимое выброшено прямо на пол. Половицы вывернуты. Стены комнат изуродованы ломом.

– Ну и свиньи, – оглядев разгромленную грабителями, некогда уютную квартирку Барановой, невольно возмутился начальник отделения. – И ведь не боялись – рушили, шумели, будто на отдаленном хуторе каком. Посмотри-ка на кухне, нет ли там табуретки. Хоть присесть...

Сержант прошел на кухню и сразу же вернулся оттуда взволнованным, будто вместо табуретки увидел там что-то неопишное.

– А ведь тут еще кто-то побывал, товарищ капитан! – взволнованно воскликнул он.

– Что значит «еще»? Когда? – не меньше удивился начальник отделения.

– Выходит, после того, как мы все опечатали, – доложил сержант.

– Откуда ты знаешь? – шагнул ему навстречу капитан.

Сержант повернул обратно. Они вошли на кухню и остановились возле потайной двери, прикрытой отошедшим фанерным листом.

– Не было этого. Никакой двери тут не было, товарищ капитан. Я сам сюда заходил. Сам все осмотрел! Я сразу бы заметил! – боясь, что ему не поверят, взволнованно доказывал сержант. – В комнате все, как было, так и осталось. Я запомнил. Все на тех же местах. А дверь выломали уже потом...

Начальник отделения и следователь переглянулись.

– А ну-ка, попробуй ее открыть, – приказал капитан.

Сержант толкнул дверь носком сапога, и она легко открылась. Капитан оглядел площадку перед дверью, но дальше порога не пошел и никого на черный ход не пустил.

– Следить не будем, – сказал он и, обращаясь к домоуправу, спросил: – Ты про этот ход знала?

– Знать-то знала, – подумав, ответила домоуправа, – да только забыла про него. И не помню, чтобы и кто-то другой им пользовался.

– Точно? – переспросил капитан.

– С двадцатого года тут живу, Алексей Николаевич, и ни разу не видела. А узнала о нем, когда дом этот приняла. Тогда сама проверяла, что дверь забита, – сообщила домоуправ. – А жулики, значит, открыли.

– Жулики или кто другой – разберемся. У самих толку не хватит, люди помогут, – ответил начальник и спросил следователя: – Что мыслишь?

– Думаю, непременно надо снять отпечатки пальцев. И лучше не самим. Стоит, пожалуй, вызвать экспертов из МУРа. Они мастера... – ответил следователь.

– А чья, думаешь, эта работа? – кивнув на взломанную дверь черного хода, снова спросил капитан.

Следователь неопределенно пожал плечами.

– Гадать не хочу, товарищ капитан. А мысли кой-какие по дороге выскажу, – ответил он.

– Значит, все оставляем так, как есть, и только закроем входную дверь сарая, – решил начальник отделения и кивнул сержанту: – Заколоти и опечатай.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – ответил тот.

Все вышли на улицу.

– Так что ты надумал? – нетерпеливо спросил следователя начальник отделения.

– Не знаю, темнят или нет бандюги, я до конца этого еще не выяснил, но почти уверен, что через черный ход лазил кто-то свой и точно знал, где надо искать, – ответил следователь.

– Почему так думаешь? – допытывался капитан.

– Ну, во-первых, кроме своих, про черный ход мало кто знал, – резонно рассудил следователь. – Во-вторых, вы же слышали, что докладывал Притулин: вещи все как лежали, так там и остались лежать. А это значит, что искали не где-либо, а точно по месту. Заглянули, а там пусто. И ушли, ничего не шевельнув. А это еще раз подтверждает, что приходила свои.

– Я тоже так это себе представляю, – в раздумье ответил капитан. – Но меня почему-то все время мучает вопрос: что искали?

– А я теперь хотел бы узнать, если все же моя версия правильная, связаны как-нибудь между собой эти два визита в квартиру Барановой? – признался следователь.

– Н-да, – неопределенно произнес начальник и уже до самого отделения не сказал больше ни слова.

Но вопрос, о котором они говорили, не давал ему покоя весь день. Было много и другого неясного во всей этой истории. Но в конце концов на первый план выплыло главное: а может, этот последний визитер искал те самые фотографии, которые были отправлены вместе с рапортом в НКГБ? А жулики опередили его совершенно случайно? Ведь могло же так быть? Могло. Но как бы там ни было, не сообщить в НКГБ и о втором тайном посещении неизвестным или неизвестными квартиры Барановой было нельзя. И начальник отделения написал и отправил по тому же адресу, куда пошел его рапорт о фотографиях, второй рапорт. Отправил, естественно, с нарочным. И в тот же день этот документ попал на стол к Круклису.

Глава 16

Когда Круклис ознакомился с содержанием второго рапорта начальника отделения, ему стало не по себе. Не то чтобы его, старого опытного воробья, как в таких случаях говорят, провели на мякине. Но опередили совершенно определенно. Конечно, никто из его сотрудников не знал и не предполагал, что в квартире имеется скрытый черный ход, который может обеспечить надежный вход и выход из квартиры, по сути дела, в соседний двор, что об этом черном ходе ни малейшего представления не имела даже милиция. Но кому нужны были теперь эти оправдания, если тот, кому это было надо, побывал в квартире и покинул ее совершенно никем не замеченным? И оставалось только гадать, зачем он туда приходил и удалось ли ему осуществить свой замысел? Впрочем, неясно было и то, сколько человек проникло на этот раз в квартиру: один, двое, трое? Полковник никогда не спешил докладывать начальству об удачах, выпадавших на долю возглавляемого им коллектива. Не торопился рапортовать об успешном выполнении заданий. Но о всякого рода проколах, ошибках, просчетах, случавшихся в работе, сообщал немедленно. Случай с неизвестным или неизвестными посетителями квартиры Барановой полковник сразу же занес в свой пассив. Но на сей раз, прежде чем доложить о нем генералу Ефремову, решил предварительно кое-что уточнить. Рапорт начальника отделения милиции полковнику докладывал майор Медведев. И теперь Круклис, ознакомившись с его содержанием, перевел взгляд с бумаги на своего подчиненного и сухо проговорил:

– Плохо мы работаем, Дмитрий Николаевич.

– Так ведь как можно было предполагать, товарищ полковник, что... – хотел было возразить Медведев. Но Круклис даже не дал ему договорить:

– Не только можно, а непременно следовало ожидать, что на квартиру кто-то явится, Дмитрий Николаевич. И вы знали не хуже меня, что именно так оно и будет. И потому установили за квартирой наблюдение. Ответственность за организацию которого, кстати, возложили на вас.

– Так точно, товарищ полковник, – ответил Медведев.

– Но мы сразу же допустили ошибку в том, что не побывали на месте.

– Да, но наш сотрудник все там детально осмотрел, товарищ полковник. И доложил мне.

Но ход-то этот был тайным...

– В этом-то и дело, что он его не заметил, – подчеркнул Круклис. – А если бы осмотр провели мы с вами, все могло бы быть иначе. У нас опыта не в пример больше, чем у рядового, даже и очень старательного сотрудника. Одним словом, немедленно свяжитесь с милицией, предупредите, что мы выезжаем на квартиру, пусть они нас там ждут. И пусть захватят с собой оперативно-розыскное дело.

– Понял, товарищ полковник, – ответил Медведев.

– Надо срочно провести экспертизу и точно установить, сколько было этих тайных визитеров, – продолжал Круклис. – Это крайне важно. Если окажется, что их было двое или трое, то можно предполагать, что это такие же искатели клада и такие же уголовники, как те, которых уже взяли. А если приходил один, то мы смело можем поздравить друг друга с тем, что упустили прямо из-под носа того, кого будем ловить теперь неизвестно где и бог знает сколько времени.

Часа через полтора квартиру Барановой вскрыли без ведома хозяйки четвертый раз. Круклис сам осмотрел все досконально. Пояснения ему давал сержант, который вскоре после ограбления брал на квартире парня. Эксперты в это время занимались своим делом. После общего осмотра квартиры Круклиса интересовал в основном один вопрос, который он в разных вариантах уже несколько раз задавал сержанту. А именно: какие тот заметил изменения в обстановке, когда пришел в квартиру во второй раз?

Однако сержант упрямо повторял одно и то же:

– Все как было, товарищ полковник, так и осталось на тех местах, на которых я их видел.

А вот фанеру, оторванную со стены на кухне, я сразу заметил.

– А что у вас? – спрашивал Круклис экспертов.

– Пока, товарищ полковник, все данные за то, что приходил один человек. На приступах совершенно четкий след одного человека. И на полу на кухне тот же одиночный след, – докладывали ему.

– Других выводов не будет?

– Можно, конечно, предположить, товарищ полковник, что тот, который наследил, нес на себе еще кого-то. Но подтвердить это какими-либо конкретными доказательствами мы пока не можем.

– Попробуйте все же... – попросил Круклис. – Кроме кухни, вы этот след еще где-нибудь обнаружили?

– Он тащил за собой опилки из сарая. Поэтому можем сказать совершенно точно, что он прошел в комнату, дошел вот до этого угла, тут что-то делал, возможно, что-то искал, здесь натоптано, и тем же путем вышел из комнаты обратно на кухню, по тем же приступкам спустился в сарай, а из него на улицу.

– Почему вы решили, что он что-то искал? – допытывался Круклис.

– Он оставил на пыльных лагах отпечатки пальцев. Зачем бы он стал их ошупывать?

– А может быть, это не его отпечатки?

– Доложим точно. Мы сняли отпечатки с лаг, с топорика, которым открывали дверь черного хода, снимем у арестованных по делу об ограблении квартиры. И картина сразу же прояснится.

Круклис удовлетворенно кивнул.

– Когда будет закончена эта работа?

– Завтра к концу дня вы будете иметь исчерпывающий ответ, товарищ полковник.

– Хорошо. Буду ждать, – снова согласно кивнул Круклис и углубился в изучение оперативно-розыскного дела. У него уже начала складываться своя, определенная версия всей этой истории. И он искал в показаниях грабителей подтверждения ей.

Но его оторвал от этого занятия Медведев. После осмотра помещения упреки полковника показались ему явно несправедливыми. И он, отлично зная демократический характер своего начальника, не побоялся оторвать его от бумаг.

– Ну вот скажите, товарищ полковник, как можно было найти этот черный ход, если он со всех сторон был замаскирован? – спросил майор.

Круклис, мысли которого были заняты сейчас совершенно другим, ответил не сразу и не очень определенно:

– Не знаю, как можно было найти, но в сарай, Дмитрий Николаевич, я бы заглянул обязательно. А уж если бы заглянул, то наверняка заинтересовался бы и еще чем-нибудь.

– Но ведь сарай-то был заперт, – заметил Медведев.

– Но не опечатан! – в свою очередь, уточнил Круклис. – И открыть его, как теперь стало известно, не составляло никакого труда. Не защищайте своего сотрудника, Дмитрий Николаевич. Лучше учите его на его же собственных промахах...

Сказал и снова углубился в свои мысли. А они все настойчивее, после всяких сопоставлений и анализов, подводили его к очень важному выводу о том, что этот последний взломщик, пробиравшийся в квартиру через потайной черный ход, искал не сокровища врача-стоматолога, а стальную шкатулку с фотографиями. В пользу этого вывода говорили и материалы допроса грабителей, и совершенно определенная направленность действий последнего взломщика. Он точно знал: как проникнуть в квартиру, где в ней взять то, что его интересовало, и что в ней взять. Не искать, как это делали побывавшие до него тут грабители, а именно взять.

Окончательный приговор этой версии должны были теперь вынести эксперты. Найдут они на топорщице отпечатки пальцев, аналогичные тем, которые сняли с запыленных лаг, – вывод точен. Не найдут – Круклис будет искать другие доказательства. А в том, что они должны быть и есть, он уже не сомневался. И именно для того, чтобы убедиться в своей правоте, приказал доставить для допроса на место совершения преступления грабителя, вытаскивавшего шкатулку из-под пола в квартире Барановой. Того привезли. Им оказался худошавый, лет тридцати пяти от роду, с жиденькими грязными косицами волос, без большого пальца на левой руке тип. У него были юркие, бегающие глазки и дергающийся кадык. Увидев военных, тип сразу же сообразил, что дело принимает самый неожиданный поворот. И поспешил заверить седовласого полковника в том, что он, Гришка Трынкин, по прозвищу «Фитиль», чистойшей воды уголовник и ни малейшего отношения не имеет ни к каким политическим, а тем паче к каким-нибудь шпионам, которых он, кроме как в кино, никогда не видел в глаза.

– Отвечайте только на поставленные вопросы, – строго предупредил Трынкина Круклис. – Вы участвовали в ограблении квартиры гражданки Барановой?

– А как же, гражданин начальник. Что было, то было.

– Почему выбрали именно эту квартиру?

– Нинка Фиксатая навела, гражданин начальник.

– Почему именно на эту квартиру?

– Она еще до войны у этой врачихи зубы лечила. Та ей из своего золота фикса поставила.

Ну, Нинка и запомнила...

– Говорите, до войны, а сегодня уже осень сорок третьего. Чего же так долго собирались?

– Для большого дела, гражданин начальник, законники нужны, а не фрайера. Ну и потом, патрулей малость поубавилось. У дома подъезда нет. Дверь на виду. Действовать можно было только в темноте. А теперь темнеет рано...

– Вы знали, где могло быть спрятано золото?

– Откуда, гражданин начальник? Вслепую работали. Фонариками себе подсвечивали.

– Кто нашел шкатулку?

– Я, гражданин начальник.

– Скоро?

– Уже когда стены проверили. Когда пол почти весь перевернули.

– Покажите, где вы ее нашли, – приказал Круклис.

– Все уже обшманили, гражданин начальник. Везде пусто. Только этот угол еще не трогали. Тут комод стоял. Мы с Грачом его отодвинули, и я выворотил вот эту половицу. Ну и как приподнял ее, так сразу и увидел коробку. Мы и искать больше не стали. Сразу решили, что тут все...

– Покажите очень точно, где эта коробка лежала и как вы ее брали. Вспомните очень хорошенько, за что вы еще при этом хватались руками. Знайте, многое для вас будет зависеть от того, насколько точно вы все покажете, – предупредил Круклис.

– А мне и вспоминать нечего, гражданин начальник. Я покажу все точно, – ответил Трынкин. – Можно половицу назад положить?

– Кладите.

Трынкин вернул половицу на ее законное место.

– Вот тут я стоял. Тут вот поддел ее ломом. Вот еще след остался, – начал объяснять Трынкин. – Так вот отворотил. Она, значит, перевернулась. А вот и место, где эта коробка железная лежала. Я ее сразу увидел, потому как она блеснула. Нагнулся и взял. И ни до чего я больше не дотрагивался, гражданин начальник. А тут сразу и Грач, и все ко мне подскочили...

– Какой рукой вы ее брали? – уточнил Круклис.

– Двумя брал. Встал на колени и брал. Левую подсунил под дно. А правой придерживал. Думал, тяжелая будет. А она легко поднялась...

– Когда вы ее вскрыли?

– Это уж когда на «малину» пришли. Не торопясь. Отомкнули аккуратненько отмычкой. Думали, может, золотишко в завертке какой, потому как ничего в ней не гремело. А там оказались одни фотографии. Ну мы тут от такой лажи и напились...

– Еще раз предупреждаю, все припомните до мелочей. Если за что-нибудь хватались, лучше укажите сейчас, – повторил Круклис. – Гораздо хуже будет для вас, если мы где-нибудь сами обнаружим отпечатки ваших пальцев.

Но Трынкин решительно мотнул головой.

– Хоть как смотрите, гражданин начальник. Ничего не найдете. Незачем мне было по сторонам руками шарить. Я ее сразу увидел и сразу взял, – повторил свои показания Трынкир.

Круклис удовлетворился.

– Хорошо. Можете увести арестованного, – разрешил он. И когда Трынкина увели, сказал Медведеву: – Наблюдение тоже можно снять, товарищ майор. Тот, кто нам нужен, второй раз сюда не придет.

Можно было уже уходить из флигеля. Но Круклис почему-то медлил. И Медведев спросил:

– Что-нибудь еще, товарищ полковник?

– Да самую ерунду. Сувенир на память. Посмотрите-ка, Дмитрий Николаевич, в углу, в этой куче книг, не найдется ли там семейного альбома хозяйки?

Медведев начал старательно перебирать книги, а сержант-милиционер проверил содержание ящиков комода. Но ни тому, ни другому не повезло. Во всем доме не нашлось ни одной фотографии с изображением Барановой. Были фото: с видами Крыма, несколько почтовых открыток с портретами известных артистов. Но фотографий Барановой найти не удалось.

– Чудно, – откровенно признался сержант. – Такие симпатичные обычно фотографироваться даже очень любят.

– А может, она не такая уж и симпатичная? – спросил Круклис.

– Что вы, товарищ полковник. Я ж ее хорошо помню. Ни один мужчина мимо не проходил, чтобы не обернуться. И следила за собой... И одевалась...

– И вы оборачивались? – улыбнулся Круклис.

– Оборачивался, товарищ полковник, – признался сержант. – Только я для нее молод был. Ей ведь где-то уже за сорок перевалило...

– Ну и каких же она любила мужчин? – интересовался Круклис.

Сержант неожиданно задумался.

– А вот мужчин, товарищ полковник, с ней никогда не видел, – сделал он вдруг для себя открытие. – Вот тоже чудно!

– Случается, – не стал развивать дальше эту тему Круклис и, поблагодарив за помощь милиционеров, направился к выходу.

Флигель заперли и опечатали снова. С сараем поступили на этот раз так же. Участкового и домоуправа предупредили, чтобы за замками и печатями следили. И если заметят какие-нибудь нарушения, чтобы немедленно сообщали по телефону. И оставили номер телефона. Но это было уж так, на всякий случай. Круклис почему-то не сомневался в том, что не только посторонние, но и сама Баранова не заглянет во флигель никогда.

С мыслями о враче-стоматологе он и вернулся в свой кабинет. И уже готов был обо всем доложить генералу Ефремову. Но того самого вызвали к кому-то «наверх». Круклис попросил секретаря сообщить ему, как только Ефремов появится, и, пользуясь вынужденной паузой, попытался поточнее сформулировать свой доклад и версию, в которой он уже почти не сомневался. Однако ему даже не дали сосредоточиться. Дверь кабинета приоткрылась, в кабинет просунулся Доронин и спросил:

– Разрешите, товарищ полковник?

И, увидев вопросительный взгляд начальника, почти выкрикнул прямо с порога:

– Есть новости, товарищ полковник!

– Не многовато ли для одного дня? – скривил губы Круклис. – Да проходите же! Что там стряслось?

– Вы, как всегда, оказались правы, товарищ полковник. В Наркомздраве действительно удалось напасть на след Барановой, – начал докладывать Доронин.

– Что же вы там обнаружили?

– Узнал точный номер диплома. Но это не главное. Важнее другое: узнал, что диплом она получила в двадцать шестом году в Ленинграде, окончив Ленинградский стоматологический институт. Даже подсказали, где он в ту пору находился. Где-то на улице Петра Лаврова. В Наркомздраве никаких данных о Барановой больше нет. Но там, где выдавали диплом, наверняка найдутся какие-нибудь дополнительные сведения. А в Ленинград-то теперь можно махнуть в любой день.

– Это действительно так, – сразу потеплел Круклис. – Очень все кстати, Владимир Иванович. Насколько я понимаю, эта самая Баранова, а она наверняка такая же Баранова, как я Петров, для нас становится объектом номер один. Вас тут не было два дня, а у нас получился прокол.

И Круклис подробно рассказал своему заместителю обо всем, что произошло на квартире Барановой и какие выводы он из всего этого сделал.

– Мы, конечно, будем отрабатывать и все прочие версии. Но та, которая складывается сейчас с участием Барановой, мне почему-то думается, будет основной в нашей работе, – убежденно сказал он. – Так что в Ленинград выезжайте, Владимир Иванович, сегодня же. И копайте эту жилу особенно тщательно. Вы меня вспомните: она еще преподнесет нам сюрпризы. Я вот только думаю: может, вам стоит взять помощника?

– Зачем? Здесь ведь тоже люди нужны, – подумав, ответил Доронин.

– Баранова становится важной персоной, – заметил Круклис.

– Справлюсь, товарищ полковник. Один справлюсь.

Но Круклис настоял на своем.

– Не сомневаюсь в том, что справитесь, Владимир Иванович. Но времени потеряете больше. Так что берите в свое полное распоряжение Петренко. И если понадобится, сами ставьте ему задачи по ходу дела, – окончательно решил полковник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.